

СЧАСТЬЕ?

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

АРСЕНИЙ НИКИТИН

Арсений Никитин

Счастье?

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48826819

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-99306-8

Аннотация

Молодой и успешный Максим, уставший от сумасшедшего рабочего графика, меняет работу в надежде сбалансировать карьеру и семейную жизнь. Но, чем больше времени он проводит дома, тем больше понимает – ожидания идиллии не оправдались. Его лучший друг, в беседах с которым он проводит редкие свободные вечера, подтверждает его неутешительный вывод – счастливых семей попросту нет. А на новой работе тем временем сгущаются тучи. В попытках найти хоть немного положительных эмоций Максим кидается то к проституткам, то в объятия эксцентричной сослуживицы. Сумеет ли он обрести то, что считает счастьем? Содержит нецензурную брань.

Содержание

Предисловие редактора	5
Счастье есть	7
Новая жизнь на новом посту	27
Адская кухня	52
Лечебная физкультура	76
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Арсений Никитин

Счастье?

К сожалению, все изложенные здесь события, за редким исключением, имели место в реальной жизни, однако тем, кто в каком-то из эпизодов вдруг узнает себя или кого-то из своих знакомых, друзей и близких, не стоит полагать, что речь идет именно о них – жизнь предпочитает развиваться по давно устоявшимся паттернам, а потому ее участники не имеют никаких оснований рассчитывать на некую собственную исключительность.

Предисловие редактора

Чтение книги, которую вы сейчас держите в руках, женщинам абсолютно противопоказано. Не то чтобы это произведение откроет им нечто новое – женщины всегда подзревают, что окружающие их мужчины ведут себя подобным образом и совершенно не замечают (или упорно не желают признавать) определенных, и особо гиперболизированных автором, черт собственного характера и поведения. По этой причине ничего кроме разочарования, раздражения, обиды и прочих подобных чувств, не запланированных в момент приобретения романа с вполне оптимистическим названием, они не испытают. Кроме того, рискну предположить, что чувства эти потенциально могут перерасти в гнев в адрес автора, а того гляди и всех мужчин в целом. По этой причине категорически не рекомендую читать эту книгу юным, а особенно романтически настроенным барышням, вдобавок мечтающим выйти замуж, после чего жить долго и счастливо.

Также хотелось обратить внимание читателей и противоположного женщинам пола, считающих себя счастливыми в браке, – скорее положите эту книгу откуда взяли. Не надо разрушать свой уютный мир, не многим в этой жизни повезло обладать заблуждением столь высокого порядка. Эта же рекомендация относится и к мужчинам младше тридцати –

вряд ли это сочинение вызовет живой отклик в вашем сознании. Пока вы не достигли этого возрастного порога, вам кажется, что все в жизни обязательно сложится замечательно. Вы уверены, что еще лет десять вы будете трахаться с кем хочется (или скорее с кем попало), а потом внезапно встретите девушку своей мечты, которая будет вас любить, готовить, как мама, делать минет по утрам, зарабатывать почти столько же, сколько и вы, мыть посуду, обсуждать с вами последние ужастики, сочувствовать проигрышу любимой футбольной команды, не обращать внимания на регулярные пьянки с друзьями и прилипшие к вашему пиджаку после очередного корпоратива длинные блондинистые волосы. Пока вы не знаете, что этого не случится. Не претендуя на всезнание, я с уверенностью могу заявить: даже если кому-то очень повезет на самом деле встретить девушку, похожую на свою мечту, жизнь развернет перед его глазами какую угодно, но только не вышеописанную картину. Один из возможных вариантов развития такой ситуации и предстанет перед оставшейся (уже совсем немногочисленной) категорией читателей, коим эта книга, собственно, и адресована. Хотя в качестве забавной истории ее могут читать абсолютно все (кроме, разумеется, детей), просто не принимайте ее слишком близко к сердцу.

Счастье есть

Ярко-красная стрела, кажущаяся еще ярче на фоне грязно-серой московской зимы, плавно распахнула двери, и я вошел в пустой вагон «Аэроэкспресса». Удивительно – никакой толчеи, бывают же дни, когда все время везет! Сначала отменилось дурацкое и совершенно бесполезное утреннее совещание в московском офисе (можно подумать, бывают полезные!), затем я практически моментально поменял билет и теперь мчу домой, в Питер. Хотя, конечно, не совсем домой, а всего лишь в офис. (Кто же мне простит пятничный прогул? Наверное, только моя шагреновая совесть.) Да и мой теперешний дом – совсем не то место, где я чувствую себя счастливым.

Еще в детстве я заметил, что в хорошем настроении даже самые простые вещи кажутся замечательными и невероятно милыми. Я с удовольствием улыбаюсь красивым девушкам, не строя на их счет далеко идущих планов, а просто так, без повода! Они, наверное, чувствуют эту искренность и улыбаются в ответ. Некрасивым я, кстати, тоже улыбаюсь, и опять же совсем безо всякого повода (жалость тут ни при чем). Мне все нипочем – разлитый по асфальту коктейль из дождя со снегом вперемешку с ядовитой химией, от которого мои ботинки, высохнув назавтра, покроются ярко-белым хрустящим налетом, меня совсем не тревожит. Я даже не обращаю

внимания на насморк, мучающий меня уже вторую неделю из-за нескончаемой питерской промозглой слякоти. Мне до этого нет никакого дела, я доволен абсолютно всем!

Конечно, немного болит голова – неизбежная расплата за вчерашний душевный вечер с моим замечательным московским другом. Но если обычно головная боль приводит меня в состояние тревожной озабоченности – мне не терпится от нее поскорее избавиться, то сегодня утром я даже некоторое время с интересом за ней понаблюдал: «Может, сама пройдет?» Почти полуторачасовой эксперимент оказался безрезультатным: боль по своей воле никуда не делась, и по пути на Белорусский вокзал мне все же пришлось заскочить в аптеку. Мне снова повезло, причем дважды: в аптеке не оказалось очереди, а за кассой сидело создание, напоминавшее ангелочка с ванильных картин Антуана Ватто. Ангелочек обернулся ко мне и захлопал пушистыми ресницами.

– Девушка, доброе утро, – начал я, – будьте любезны, дайте, пожалуйста, самое эффективное средство от головы, только топор предлагать не нужно!

Девушка захихикала: видимо, ее юный возраст не предполагал знакомства с этой бородатой шуткой.

– Вот замечательные таблетки, – она положила передо мной какую-то яркую пачку.

– А какой здесь активный компонент? – решил поумничать я.

– Ибупрофен! – ни секунды не задумываясь, выпалила

она.

– Понятно, мог бы и не спрашивать, – состроил я недоуменное выражение.

Девушка фыркнула от смеха.

– А принимать-то сколько? – продолжил я и дальше строить из себя идиота.

– Достаточно одной таблетки! – рассмеялась девушка, неожиданно демонстрируя знакомство с классикой.

Вот так непринужденно разделавшись с единственным на это утро неприятным ощущением, я направился по привычному маршруту. И вот я в кресле «Аэроэкспресса», а впереди тридцать пять минут спокойствия и комфорта. Я со всего размаху плюхнулся в кресло у окна и огляделся.

Вагон был практически пуст. Несколько мест занимали командировочные, легко узнаваемые по озабоченным лицам и сумками с ноутбуками, в одном углу расположилась компания веселых тинэйджеров и вдали маячили странные персонажи, сложно поддающиеся четкой классификации: женщина лет тридцати, похожая то ли на жену олигарха, то ли на дорогую проститутку, и странного вида человек, больше всего напоминавший агента КГБ. В общем, никаких ярких индивидуальностей. С точки зрения *people watching*,¹ внимания заслуживала только нелепая парочка лет двадцати: парень походил на повзрослевшего Ганса из сказки Гримм, но вот его спутница на Гретель никак не тянула. Внешностью и

¹ People watching (англ.) – наблюдение за людьми

поведением она больше всего смахивала на ведьмину дочку – толстую и капризную, заполучившую принца то ли обманом, то ли колдовством. При этом обнимавший ее за попу Ганс выглядел абсолютно счастливым.

«Невероятно! Но как?» В который раз задал я себе этот скорее риторический вопрос – и моментально расплылся в улыбке, вспомнив развернутый комментарий Дениса на этот счет. На кресле рядом валялась оставленная кем-то газета. Бесплатная, которые вам норовят всучить наряженные в ватники кислотных цветов толстые тетки у метро. Я обычно читаю в них только два раздела на последней странице – гороскоп и анекдоты, что в подобном издании по сути является одним и тем же. Машинально взяв ее, я привычно взглянул на последнюю страницу. Гороскоп Весов на этот день стал для меня первым не совсем приятным событием на сегодняшнее утро: «Ваш близкий человек может сегодня вас неприятно удивить».

«Кого, интересно, они имеют в виду?» – подумал я. «Жену? Ну вот кто-кто, а она-то меня ничем неприятным удивить уже не сможет! Хотя кто ее знает. В конце концов – почти в автоматическом режиме начал я процесс аутотренинга, – никогда эти гороскопы не сбываются!» И обратился ко второму своему любимому разделу. С анекдотами дела обстояли гораздо лучше. Первым в списке шел скорее афоризм, моментально вернувший меня в прежнее состояние: «Мечта – это когда надеешься, что будет лучше, ностальгия

– когда вспоминаешь, как было лучше, чем сейчас, реализм – когда есть то, что есть, а счастье – это когда не думаешь, что было, что будет и что есть». Это явный знак – судьба мне подсказывает: тебе не кажется, ты и вправду по-настоящему счастлив!

Пролистав газету до конца, я отшвырнул ее в сторону и устался в окно.

Конечно, в питерском офисе меня работы ждет вагон и маленькая тележка, но, как наставительно утверждает один мой товарищ, «работа, не являясь мужским детородным органом, способна простоять неограниченное количество времени». Мое отношение к работе не настолько прямолинейное, а скорее философское: я никогда не хотел – и надеюсь, что никогда не походил на фокстерьерно-энергичных яппи русского разлива, искренне полагающих: только скорость, нахрапистость, наглость и тому подобные качества, отличающие крайне непорядочных людей, являются ключевыми для успешной карьеры. Я просто спокойно делаю свою работу, и получается это у меня неплохо. Другое дело, как труд небезызвестного Сизифа, работа моя никак не кончается, но это уже совсем другая история, и меня она сейчас совершенно не волнует – ничто не может потревожить моего почти абсолютного счастья.

Обычно в «Аэроэкспрессе» я сплю. Я просто обожаю этот механизм – сон всегда выручает в трудных ситуациях. Чувствуя, как все хреново, я просто стараюсь побыстрее лечь

спать – и все проблемы пропадают, ведь я оказываюсь там, где их нет. Еще Василиса, в доказательство своего многообещающего прозвища, убеждала Ивана Царевича именно этим способом решать любые возникающие проблемы. Но теперь, когда я так счастлив, невероятно обидно и нестерпимо жалко тратить время на такую пустую вещь, как сон, безвозвратно крадущий драгоценное время моего восторженного ощущения. Так что получается, вот оно, счастье? Неужели дождался?

В детстве я, как и все, кажется, был счастлив, просто этого не замечал. Постоянно находились мелочи, омрачавшие это счастье – то мультфильм по телику пропустил, то сборная по футболу опять проиграла, то двойку по физике схлопотал. То понос, то золотуха. Но сейчас-то я не дам себя обмануть и буду нежно лелеять это давно забытое ощущение.

Интересно, а может, я чего-то не так понимаю? Может, счастье – что-то совсем другое? Я ухмыльнулся и решил «загуглить» этот вопрос, тем более, время позволяло. «Википедия» немедленно констатировала, что «Счастье – психологическое состояние человека, при котором он испытывает внутреннюю удовлетворенность условиями своего бытия, полноту и осмысленность жизни, а также осуществление своего назначения». Словосочетание со смутным значением «осмысленность жизни» предлагало возможность по ссылке перейти на другую статью. Воспользовавшись ею, я наткнулся на несуразное оливье, наструганное из расплывча-

тых религиозно-философских определений, щедро заправленных майонезом личного опыта автора статьи. К непосредственной реальности эта окоlesiца имела крайне отдаленное отношение.

Дальнейшее изучение вопроса привело меня к перечислению значений слова «счастье», из которого выяснилось, что это не только «понятие морального сознания, обозначающее состояние человека», но также и город в Луганской (бывшей Ворошиловградской) области Украины, русский парусный линейный корабль постройки 1741 года, а вдобавок фильм режиссера Тода Солонза. Я снисходительно улыбнулся, вспомнив, как, позарившись на позитивное название и заявленный в аннотации жанр комедии, я отправился смотреть его в кино, а после просмотра погрузился в обширный депрессняк.

Странный выбор, лучше бы упомянули рассказ Акутагавы. Да и с самим определением я категорично не согласился. При чем тут мораль? Лично у меня это ощущение возникает в основном от действий, общепринято считающихся аморальными. А собственное понимание и само определение счастья, сформулированное после трех дней отсутствия дома жены, было предельно простым – когда получил, что хотел, или избавился от того, что тяготило. Доказательство истинности этой формулировки я получил незамедлительно, оказавшись на очередном тренинге, на этот раз по эффективной коммуникации, где тренер в ходе вступитель-

ной части вдруг задал аудитории довольно неожиданный вопрос: «Вы помните ваш самый счастливый момент в жизни?» Затем выступающий сделал многозначительную паузу, позволяя присутствующим сначала вспомнить, а потом насладиться радостью того мгновения. Женщинам, вероятно, представился момент надевания на них кольца в ЗАГСе, девушкам – момент первого поцелуя, а мужчинам, скорее всего, вспомнились моменты наслаждения, возникающие в первые секунды обладания машиной, женщиной или деньгами. Дав еще пару секунд, чтобы каждый смог прочувствовать яркость своего воспоминания, выступающий вернул всех обратно в реальность, повторив: «Вспомнили?» Меня приятно удивил мужчина, по виду мой ровесник, сидящий рядом. Ни секунды не раздумывая, он просиял и радостно произнес, то ли в ответ выступавшему, то ли чтобы все вокруг могли разделить его радость: «Конечно, помню! Когда с женой развелся!»

Его лицо светилось от счастья и не возникало и тени сомнения, что говорит он чистую правду. Тогда я от души за него порадовался.

Так вот, теперь я счастлив вдвойне – я наконец понял, как избавиться от тяжелого груза, волочившегося у меня на шее почти семь лет, и получил то, о чем так мечтал, и даже больше. Как же тут не быть счастливым!

Откуда-то из недр моей памяти вдруг всплыл наивно-позитивный рефрен бодрой песни из детства: «Если счастлив

сам, счастьем поделись с другим!» Я улыбнулся и, ухватив мысль, немедленно закрыл страницу с «Википедией», нажал на закладку своего блога и после секундного размышления начал писать:

ne_romantick

Меня давно мучил своей неразрешимостью вопрос об определении счастья, и не столько как концепции, ведь наукообразное определение можно дать любому явлению, а скорее, как эфемерной цели, дразнящей человечество на протяжении всего его существования, как удаляющийся мираж маячит перед умирающим от изнеможения путником.

Счастье понимают все по-разному. Я в этом убедился, собрав целый ворох цитат и в течение года проводя опрос всех своих друзей, знакомых и не очень знакомых. Результаты этого опроса не то чтобы впечатляющие, но вполне ожидаемо были вырваны из контекста разнообразных жизненных аспектов, наиболее актуальных для опрашиваемых в момент формулировки ответа:

** Happiness is a warm gun (John Lennon).²*

** Счастье – это часа через полтора после того как таблетку принял (Света, соседка в самолете по маршруту Москва – Питер, летела на концерт Jamiroquai).*

** Это когда годовой баланс сошелся (главный бухгалтер одной крупной корпорации).*

² (англ.) Счастье – огнестрельное оружие (Джон Леннон).

* *Счастье – когда ничего не тяготит и все по кайфу (Витя, мой одноклассник, рок-музыкант, по совместительству водитель-экспедитор).*

* *Осознание того, что нужен другим (Славолюб, коллега на теперешней работе).*

* *Это просто эндорфины (Вика, секретарша у меня в офисе).*

* *Когда находишься в гармонии со своими морально-эстетическими концепциям (Олег Эдуардович, мой научный руководитель в аспирантуре).*

* *Сомнительное высказывание, наверное, одного из самых нудных русских писателей: «В жизни есть только одно несомненное счастье – жить для другого» (Н.Г. Чернышевский)*

Однако самая впечатляющая фраза на эту тему принадлежит одному из моих самых любимых писателей:

* *Happiness is like a Swedish sunset, it is there for all but most of us look the other way and lose it.³(Марк Твен)*

Да, мало кто из нас задумывается, что счастье – всегда рядом, как, например, тому же путнику до того, как он оказался в пустыне, никогда не приходило в голову – ведь постоянное наличие воды рядом и есть счастье. Понимание этого дорогого стоит.

И сейчас, когда я все-таки смог наконец выбраться из той пустыни, куда меня занесло то ли ветром судьбы, то

³ (англ.) Счастье как закат в Швеции, появляется для всех, но большинство из нас смотрят в другую сторону и пропускают его. (Марк Твен)

ли необозримой глубиной собственной глупости, я люблюсь этим великолепным видом заката, и у меня нет ни тени сомнения – я счастлив!

Поставив точку, я еще хотел проиллюстрировать этот пост какой-нибудь впечатляющей закатной фоткой, но ничего подходящего в телефоне не нашлось, а постить чужие я считал совсем неправильным.

Едва я нажал на кнопку «опубликовать», мне тут же пришло в голову, что этот пост диссонирует не только с моим ником, но и со всей концепцией моего блога. Готично-мрачный циник под именем **ne_romantick** совершенно не соответствует моему настоящему мироощущению! А может, просто стоит начать новый дневник, взглянув на жизнь другими глазами?

Я уже открыл страницу для регистрации нового пользователя и стал придумывать новый ник, в голову приходила банальщина вроде happy_face⁴ или sun_is_shining⁵, но тут заметил – народ потянулся к выходу, вот и «Шарик».

Не торопясь, встав в очередь на регистрацию, после маршброска по длиннющему тоннелю от перрона (даже чашка капучино из «Старбакса» не особо поддержала), я поймал себя на мысли – ощущение непреходящей, щенячьей радости никак не отпускает. Мне нравится Шереметьево-Д, я люблю-

⁴ (англ.) Счастливая рожа

⁵ (англ.) Солнце светит

ую зависшей в небе букве «зю», а ведь раньше я обязательно скалькулировал бы сумму, распиленную при ее проектировании и строительстве, меня совсем не бесит толкучка у стоек регистрации. Я просто спокойно стою, размышляя о том, что скоро там, в высоте, я увижу голубое небо, по которому так соскучился, ведь угрюмая питерская зима практически не дает шанса увидеть его на земле. Да, на самом деле, я просто и абсолютно счастлив!

И кто бы мог подумать, всего лишь только пару-тройку месяцев назад я пребывал в полном раздрае с собой. Я думал – моя жизнь окончена, а впереди маячит непроглядная тьма и мрак. Странно, но тогда мне ничего не нравилось: ни голубое небо, ни улыбки девушек, ни Шереметьево. Не то чтобы не нравилось, просто я этого не замечал. Почему, спросите вы? Элементарно, отвечу я. В той своей жизни, как ни пытался, я никак не мог найти хоть что-то радостное и размышлял, как справиться с тяготами и невзгодами. До счастья ли тут? Так как же я до этого дошел, или скорее, докатился?

Было бы глупо утверждать, что я, так сразу осознал внезапно появившееся состояние своего мучительно-безнадежного существования. Конечно, любое событие происходит по какой-то причине, а вернее, причин этих целый нескончаемый веер или, если хотите, уходящая в бесконечное прошлое длинная цепь причин. Однако, обычно на поверхности видна одна-единственная причина, которая, как нам кажется, и толкает с горы событие, к тому времени, пред-

ставляющее собой огромный снежный ком, слепленный за многие годы из крошечных снежинок причин и причинок. И как ни старайся, вероятность обнаружить ту самую точку отсчета, откуда и возник, громоздящийся перед глазами результат, близка к нулю.

Во саду ли, в огороде все предельно просто: посадил картошку – получи картошку, посадил клубнику – нате, пожалуйста! А в жизни обнаружить момент, когда именно возникла та самая главная причина, почти невозможно, если только речь не идет о детях, да и то не всегда.

В моей жизни, а я не претендую ни на какую исключительность, все происходило в полном соответствии с этой схемой. Однако я, как человек, профессионально зарабатывающий на жизнь аналитикой, считаю делом чести докопаться до этих причин. А вот причин, моего внезапного осознания собственного несчастья, на первый взгляд, было великое множество. Начать хотя бы с уже упомянутой глупости и неумения разбираться в людях. Но само событие, ставшее первой снежинкой в этом огромном шаре, обрушившим меня в пучину мрачной тоски, определить или, скорее, выбрать, я так и не смог.

Конкуренция оказалась слишком высокой – на эту роль претендовало, как минимум, три эпизода. Первой в рейтинге событий, претендовавших на статус ключевого в моей относительно внезапной переоценке ценностей, довольно символично значилась авария. У светофора, заглядевшись в экран

недавно приобретенного яблочного девайса – собственно подарка на свой же день рождения (приобретение этого устройства из списка возможных причин я исключил ввиду слишком отдаленной связи), я влетел в жопу ничего не подозревавшей ярко-красной японской «букашке». Так как я никогда не пристегиваюсь, то, следуя законам физики, со всего размаху шарахнулся головой о руль, а поскольку у меня, как у любого сотрудника умственного труда, голова является самым больным местом, я до сих пор подозреваю, что этот удар и сдвинул у меня в мозгу какие-то шарниры и колесики, отчего я неожиданно стал видеть и воспринимать свою жизнь «гораздо иначе», как выражается один мой друг, выпускник филфака. Имея в бардачке «каску», я совершенно не расстроился, тем более, возник прекрасный повод пропустить очередное никчемное совещание.

Вторым событием, выбивавшимся из череды годами отточенных действий и их последствий, стала моя – вследствие аварии – поездка на метро, по пути к которому я, срезая угол, решил пройтись по Смоленскому кладбищу. Около симпатичной церквушки я увидел, как оттуда навстречу мне семенит забавного вида бабушка, энергичная и бодрая, светившаяся здоровым розовым румянцем. Поравнявшись со мной, она сперва окинула меня взглядом – и моментально изменилась в лице. Взяв меня за локоть, как-то очень участливо и вместе с тем тревожно пробормотала:

– Ой, внучек, что же это они с тобой сделали?

Я слегка напрягся – бабушка эта совсем не выглядела по-лоумной старухой, а скорее напоминала кинематографический сказочный персонаж. И к тому же искренняя тревога в ее глазах заставила меня задержаться. Подумав, что у меня на лбу остались следы удара о руль, я махнул рукой и смущенно пробормотал:

– Да ерунда! Немного ударился! – потер я лоб.

Но бабуля, покачав головой, что-то забормотала себе под нос и, крепко взяв меня за руку, то и дело оглядываясь на церковь, начала креститься.

– А теперь, внучек, пойдем, свечку тебе поставить надо.

Совершенно не понимая, что происходит, но руководствуясь каким-то чутьем, подсказывающим – старушку стоит послушаться, я отправился следом за ней и поставил свечку у указанной ею иконы. Выйдя из церкви, в порыве благодарности я попытался сунуть бабушке сторублевку, но она сердито отмахнулась:

– Вон, поди лучше нищим подай!

Я не глядя сунул купюру первому в ряду нищему и с облегчением продолжил свой путь, слыша, как она бормочет мне вслед: «Дай Бог тебе счастья, дай тебе Бог!»

Это пожелание милой бабули отчего-то наполнило меня наивно-яркой детской надеждой. Помню, как всю школу я пребывал в уверенности, что, закончив ее, окажусь в совершенно счастливом и ярком мире. Я всегда ждал от жизни чуда, и порой мои желания сбывались, но чудеса получа-

лись какими-то недоделанными. То на день рождения вместо прекрасной электрической железной дороги я получал, неплохую заводную машину, то вместо первой красавицы класса (отказавшей мне в грубой форме) я отправлялся в кино со второй красавицей, то на экзамене я вытягивал единственный недоученный билет и вследствие этого недотягивал до «пятерки», или вместо повышения зарплаты получал приятную, но разовую премию.

Следующим событием, претендовавшим на статус переломного, стала случайная встреча в метро, почти сразу после встречи с румяной старушкой. К слову, я очень люблю кататься на метро (об этом чуть позже). Оказавшись под землей, я почти тут же наткнулся на своего университетского друга, с которым не виделся лет, наверное, семь – сначала он уезжал учиться в Англию, потом работал где-то за границей, затем вернулся, после чего снова уезжал, и так далее. Он оказался в метро по похожей причине – чинил своего железного коня. Мы тут же договорились встретиться вечерком, поболтать о том о сем.

Как ни странно, встреча эта состоялась: жена с Кирюшей укатили на дачу, а на работе вдруг установился подозрительный штиль. Сама наша встреча с Костей, как звали моего друга, ничего особенного из себя не представляла – обычные посиделки некогда плотно общавшихся друзей, вечер ответов на ничего не значащие вопросы «Ну и как ты там?» и следующие затем тоскливо-подробные рассказы о том, как же

дела обстоят самом деле. Со стороны такие встречи часто выглядят отчаянным соревнованием, в котором каждый смутно надеется, что хорошо дела идут только у него самого.

К счастью, с Костей беседа развивалась по другому сценарию, он никогда не строил из себя супер успешного, всего добившегося засранца. Мы вспоминали Универ, обсуждали новый роман Мураками, проходивших мимо девчонок и планы на лето.

После третьего пива – часы показывали около десяти – Костя, изобразив на лице извиняющееся выражение, спросил:

– Я сделаю один короткий звонок?

Я пожал плечами:

– Конечно, звони.

Костя достал трубку и отработанным движением в одно касание набрал номер. После чего принялся нежно и ласково, почти сюсюкая, с кем-то разговаривать, через каждое слово повторяя то «котенок», то «sweetie»⁶, то «малыш». Звучало это совсем не слащаво и абсолютно искренне. Мне, во всяком случае, так показалось.

– Жена? – спросил я участливо.

Костя кивнул, улыбнувшись с нескрываемой нежностью.

– Недавно женился? – понимающе спросил я, вспоминая те то ли три, то ли пять месяцев относительно благополучного сосуществования с женой. И вот тут-то и произошло то

⁶ (англ.) сладкая

самое необычное.

– Ты что? – удивленно ответил он. – Сразу после окончания. Дашу, что ли, не помнишь?

Я, конечно, прекрасно помнил и Дашу, и их свадьбу, и как я, сидя за столом рядом с дядей невесты, единственный раз в жизни смешал портвейн с водкой и после целого дня мучений дал клятву больше никогда не пить крепленое вино. Но как после стольких лет он все еще продолжает искренне называть ее «котик»? И где-то в неизвестных глубинах организма возникло то неприятное ощущение тоски вперемешку с завистью, покрытое липким налетом разочарования, обычно появляющееся, когда понимаешь, в этой жизни что-то прошло мимо.

«А может, я просто давно не делал Ане ничего хорошего? – закопошились в голове мысли. – Может, стоит попробовать как-то все наладить, привести обратно в чувство, ведь бывает же у кого-то – живут почти двенадцать лет и счастливы?»

Почти сразу после звонка Костя заторопился домой, а прощаясь, сунул мне визитку:

– Если в «четверке» надоело лямку тянуть, позвони сюда, они мне уже раз десять предложения разные выслали. Другим человеком себя почувствуешь!

Я снисходительно хмыкнул и скорее из вежливости сунул визитку в карман. В тот момент времени душевное состояние относительно работы меня абсолютно устраивало. Пауку

в банке с другими пауками тоже бывает комфортно. Беспокойло меня совсем другое, и, вернувшись домой, я прямо с порога начал действовать.

– Ну, привет, Пипка, – сказал я как можно более ласково, приобняв Аню. Это самое забавное прозвище, которым я ее когда-то называл.

– Ты что напился так? – спросила она, сурово нахмурившись, и, уткнувшись острыми кулачками мне в грудь, со всей силы отпихнулась: – Фу, как от тебя воняет!

Как я сейчас понимаю, именно это и стало первой снежинкой, вокруг которой и стал накручиваться тот снежный ком, выросший затем до размеров небоскреба Empire States. Хотя до этого я много раз слышал от Ани подобные слова, именно тогда они меня впервые реально задели. Тут мне пришла в голову еще одна интересная мысль, которую, пока не объявили посадку, я не мог не увековечить в своем блоге:

ne_romantick

Неведение иногда бывает успокоительным —например, не знаешь ты о существовании шоколада, и слаще репы ничего не пробовал, то шоколада и не хочется. Но стоит лишь раз этот шоколад попробовать, а более того – узнать, что некто каждый день имеет возможность лопать этот шоколад, как немедленно отсутствие этого продукта кажется тебе невыносимой пыткой.

Снежинки стали налипать друг на друга в обвальнoй геометрической прогрессии именно тогда, когда я, отчаявшись от беспробудной работы, внезапно вспомнил про Костину визитку и через месяц вошел в новый офис. Тогда я надеялся, этот день положит начало новой жизни. Надежда эта оправдалась, правда, совершенно не так, как я себе представлял. Я прокатился по таким эмоциональным американским горкам, что тошнота не отпускала до сих пор. Всего-то год пролетел с того момента, как я осознал, что же на самом деле со мной происходит, и, поняв это, совершенно отчаялся обрести не то что счастье, а просто мгновение спокойствия ума. А вот теперь это самое счастье своим сиянием расцветивает каждое мгновение такой унылой до недавней поры реальности.

Новая жизнь на новом посту

Я вошел в офис и быстро оценил обстановку – все выглядело именно так, как я предполагал: бежевые стены, стеклянные перегородки, милая (даже очень!), правда, с немного усталой улыбкой секретарша на ресепшене, в углу – пластиковый фикус, на стене – корпоративный блочный календарь, стеклянная витрина с миниатюрными образцами продукции, гора каталогов на столике у дивана для посетителей и тишина, слегка нарушаемая клацаньем пальцев по клавиатуре, доносящимся из глубин кабинетов. Спокойный и уютный уголок. На первый взгляд, райский в сравнении с тем, где я провел последние пять лет своей карьерной Голгофы.

Я подошел к стойке, не сводя глаз с секретарши, и, выдержав ее долгий, как мне показалось, несколько томный взгляд, медленно и с расстановкой (как меня учили в школьном театральном кружке) произнес:

– Добрый день! Меня зовут Максим Арциховский, я теперь работаю вместе с вами.

Секретарша совсем не растерялась, хотя факт моего появления стал для нее сюрпризом. Подъезжать к обладательнице такого богатого опыта общения на кривой кобыле смысла не имело. Не отводя глаз, так же медленно и с расстановкой, по всей видимости, передразнивая мой тон, она ответила:

– Наверное, просто в этой компании, хотя если хотите

именно со мной – милости прошу, можете присаживаться, тут места хватит, – расплылась она в хитрой улыбке.

– С такой очаровательной соседкой я не то что присесть, а даже... хотя нет, это я слишком вперед забегаю!

Секретарша совсем развеселилась и залилась радостным смехом, одновременно кончиками мизинца промакивая невидимые слезинки в уголках по-кукольному накрашенных глаз:

– С вами не соскучишься!

– И не надейтесь, – подтвердил я.

Знакомство с Викой – как выяснилось, именно так звали секретаршу (этим она сразу заработала у меня еще несколько дополнительных очков, потому как в сформированном за много лет рейтинге женских имен напротив него значились одни только плюсы), – не стало последним примечательным эпизодом в мой первый рабочий день. Оставшиеся офисные персонажи оказались еще более впечатляющими. Президент, единственный пока знакомый мне в компании, в офисе отсутствовал – он находился в мифически далекой европейской штаб-квартире на заседании совета директоров, где, как выяснилось впоследствии, он предпочитал проводить большую часть своей рабочей недели. Вика же любезно проводила меня в мой собственный кабинет (наконец свершилось!) и предложила провести экскурсию по офису, совместно с сессией по знакомству с новыми коллегами.

Первым я познакомился с юристом Славой. На юриста,

как мне показалось, он был совсем не похож, скорее Слава выглядел как итальянский тренер футбольного топ-клуба – высокий, элегантный, с римском профилем и удлинённым, чуть выющим каре. Про себя я отметил, что его образ привел бы в восторг стилистов Ermenegildo Zegna. Поинтересовавшись его полным именем, я с удивлением узнал, зовут его – Славолюб, что, как он уточнил, означает «славный по-любому», хотя его родители, видимо, вкладывали это имя иной смысл, назвав его в честь деда-серба, бежавшего в СССР от режима Броз Тито.

Следующей в очереди оказалась менеджер по маркетингу Саша, веселая и, как я отметил, чересчур непосредственная девушка. Она чем-то сразу мне понравилась – миниатюрная, с точеной фигуркой, настоящая непоседа – даже сидя на стуле, она крутилась юлой, отчего ее блондинистые волосы, закрученные в мелкие пружинистые кудряшки, весело разлетались в разные стороны. Через минуту после знакомства она называла меня Максом, похвалила мой галстук, по ее мнению, прекрасно сочетающийся с носками, затем принялась крутить мне перед носом своим новым телефоном салатового цвета, щебеча, что по тону он «ноль в ноль» как ее занавески в спальне, новый нетбук и вдобавок любимые летние туфли. При этом она старательно изображала мультяшный голос и интонации пятилетней девочки. Слушая эту болтовню, я все никак не мог понять, нравится она мне или нет, хотя обычно это становится понятно за первую 1/500 секунду

общения, как об этом мне сообщил какой-то мужской журнал, регулярно невесть зачем приобретаемый Аней, наряду с кипой женских. За следующие пять минут общения с Сашей я, так и не определившись со знаком полярности симпатии к ней, узнал также, что в пятнадцать лет она играла в рок-группе на бас-гитаре, а в настоящее время увлечена живописью – пишет пейзажи маслом.

– Машинным или сливочным? – уточнил я.

– А ты прикольный, – подмигнула мне Саша. – Оливковым!

Затем я меня представили финансовому Геннадию. На мой взгляд, он являлся крайне интересным типажом. Несмотря на строгий костюм, элегантный галстук и идеально сидящую рубашку, в нем даже для меня, далекого от понимания подобных образов в мужчинах, в глаза бросалась скрытая порочность, как в невинной еще пятикласснице, которая годам к восемнадцати непременно превратится в шалаву. Пока мы жали друг другу руки, я пытался сообразить, кого же он мне напоминает, хотя этот вопрос не был единственным. Еще я не совсем понимал, как будет правильно к нему обращаться – его сокращенное имя по моей классификации (подобно именам Василий, Петр, Николай) можно адресовать только закадычным корешам, собутыльникам, в крайнем случае героям детских книжек и мультфильмов. Поэтому я решил пока придерживаться полного варианта. Как только я вышел из его кабинета, меня вдруг осенило на

кого же он так похож! Именно так должен выглядеть не достигший еще зрелости Гумберт Гумберт.

После финдиректора подошла очередь Альбины – ассистента президента, по совместительству отвечающей за административную поддержку Геннадия. При виде ее у меня в голове моментально замелькали мысли, обычно вспыхивающие у витрин магазинов женского белья или плакатов с его рекламой. Альбина меня так поразила и я, слегка растерявшись, впал в ступор и даже не смог связно пошутить по поводу ее имени, на мой взгляд, подходящего синему чулку с внешностью старухи Шапокляк, а никак не очаровательной девушке, полностью соответствующей всем моим стандартам идеальной внешности, сведенным за годы моего интереса к женскому полу в строго оцифрованные бенчмарки⁷ по всем возможным параметрам. Все эти внешние параметры, включая улыбку, форму глаз, ногтей и тембр голоса, у Альбины превышали установленные на моей шкале ценностей маркеры не менее чем на пятнадцать процентов, что в переводе на общечеловеческий язык соответствовало образу идеальной внешности – понятие «красавицы» я всегда отвергал как слишком абстрактное и относительное. Пока она перечисляла все документы необходимые для окончательного оформления моего трудоустройства – медицинская страховка, доверенность на корпоративный автомобиль, страхование жизни (кого будем оформлять как бенефициара, жену?)

⁷ Эталонные показатели

Конечно жену...), я ей любовался. Альбина, по-моему, заметила произведенное на меня впечатление и пару раз снисходительно улыбнулась. Хотя мне могло и показаться.

Также в сессии офисного знакомства приняли участие еще как минимум пять-шесть человек. Ни их имен, ни должностей, находясь, видимо, под впечатлением ярких персоналий Альбины, Славолюба, Саши и Геннадия, запомнить я уже был не в состоянии. После чего, усевшись в кабинете, пахнущем свежесобранной мебелью, я принялся знакомиться со свежей почтой и составлять план изучения текущей ситуации в компании.

Около шести я заглянул в кабинет к Геннадию, чтобы задать возникшие у меня вопросы из финансового блока, составлявшего не более двадцати трех пунктов. Геннадий встретил меня искренним удивлением, однако я его реакции удивился не меньше:

– Максим, что ты? Понедельник ведь сегодня! Нельзя такую нагрузку организму с ходу давать, надо в рабочий процесс входить постепенно, плавно, а то ведь может что-нибудь внутри, не дай Бог, надорваться! Давай-ка завтра! Тем более я уже и комп выключил!

– Да? – я демонстративно взглянул на часы.

– Конечно! И тебе настоятельно рекомендую последовать моему примеру! Мы же работаем для жизни, а не живем для работы! Ты вообще ценности компании изучил, прежде чем к работе приступать? Там целый раздел посвящен балансу

работы и личной жизни...

Я утвердительно кивнул, нечто подобное действительно значилось в выданном мне в отделе HR глянцевого буклете. На такие вещи я обычно обращал не больше внимания, чем в СССР на права человека. Возможно, зря.

Выйдя от Геннадия, я понял, что заняться в офисе и вправду нечем – народ активно выключал компьютеры, собирал вещи и направлялся к гардеробной. Тупо просидев перед монитором минуты три, я понял, что не в состоянии придумать, чем заняться, и тоже начал собираться. В первый день на новом посту офис произвел впечатление детского санатория «Солнышко» для больных с нервной системой, особенно в сравнении с прежним, теперь казавшимся зоной строгого режима для особо опасных рецидивистов.

Внесу ясность – прежним местом работы у меня числилась одна из компаний «большой четверки». Для тех, кто никогда об этой «четверке» не слышал, определение это звучит довольно абстрактно; для тех, кто знает, о чем идет речь, но никогда там не работал, эти два слова могут прозвучать очень даже привлекательно, но у тех, кто на своей шкуре испытал эту самую «большую четверку», эти два простых слова вызывают вполне конкретный ассоциативный ряд. Другое дело, как этот ряд оценивать, ведь при словах «служил в Афгане» или «сидел в тюрьме» у тех, кто это пережил, в голове вспыхивает калейдоскоп ярких насыщенных образов и острых переживаний. Но для кого-то этот период – лучшая пора

жизни, а кому-то все это кажется страшным сном, который хочется скорее забыть.

Мое отношение к работе в «четверке» определить одним словом было абсолютно нереально. Как можно однозначно определить отношение к пяти годам жизни, три из которых я вчистую провел на работе? В среднем около процентов шестидесяти, прибавив к которым время на сон и дорогу в офис и обратно, нетрудно посчитать, что свободного времени не оставалось вовсе. Конечно, иногда случались и выходные, но их наличие компенсировалось почти круглосуточной работой, когда в офисе я проводил по четырнадцать часов и более.

Найти отдушину в этой жизни можно где угодно (см. кинофильм «Жизнь прекрасна»), поэтому для многих моих коллег работа представляла собой просто настоящий рай. Эти люди жили работой – для них офис включал в себя и развлечения, и любовь, и интересы, и хобби. Один мой коллега настолько увлекся этим процессом, что транспонировал свою бухгалтерскую реальность на все жизненные аспекты, и по этой причине регулярно и в срок сам себе сдавал квартальные балансы собственного существования. Жена у него проходила как дочернее предприятие, дети в период беременности числились незавершенным строительством, а по факту рождения превращались в филиалы со сроком окупаемости двадцать один год (по логике, детей стоило отнести к статье «животные на откорме»), но он решил не провоци-

ровать жену, по совместительству свою коллегу, поскольку она регулярно аудитила семейные балансы). Также он капитализировал подарки на дни рождения друзьям, проводя их в балансе как инвестиции, возвратом которых считались полученные от них в ответ подарки на собственные дни рождения. Мне такое отношение казалось как минимум странным – я терпеть не могу вспоминать о рабочих делах вне офиса, ведь я продаю за зарплату не всю жизнь, а только ее часть (даже если эта часть и бОльшая), иначе эту сделку следует перекалфицировать в добровольную продажу в рабство. Несмотря на все тяготы и лишения, работа была интересной, иногда даже азартной, только если бы жизнь не портили несколько редкопородных уродов, с завидным упорством пытавшихся установить в компании дембельские законы, гнобя всех, кто ниже их. Мотивации эти персонажи не добавляли, а в дополнение к каторжному графику превращали офисную жизнь в сущий ад.

Когда у моего коллеги после срыва срока важного проекта случился инсульт и отнялось пол-лица, я понял, вероятно, настала пора провести ревизию жизненных приоритетов. Тем более, Аня последний год, в те редкие моменты, когда мы виделись между моими командировками, настойчиво мне намекала, что в таком ключе мне скоро придется менять либо семью, либо работу. Вот тогда-то я и вспомнил о визитке Кости, и всего через месяц поставил подпись под контрактом с известной в определенных кругах между-

народной компанией. С того момента я стал именоваться директором по развитию, что после выстраданной позиции M2 (означавшей в моей корпоративной системе координат «менеджер второго года»), вдобавок полученной раньше срока, формально являлось не одним шагом навверх, но в шкале ценностей некоторых моих теперь уже бывших коллег выглядело сходом с дистанции, как, например, трансфер из английской премьер-лиги в «Лос-Анжелес Галакси», пусть даже с солидной прибавкой к зарплате.

Поступок этот, как мне тогда казалось, я совершил исключительно ради семьи. Как любой нормальный человек, семью свою я очень любил. Я вообще очень нормальный, предсказуемый и, если вдуматься, довольно скучный: не художник, не спортсмен, не музыкант. Рост – средний, волосы – темно-русые, особых примет не имеется, как написали бы в милицейской ориентировке. Но для составления такой ориентировки я за всю жизнь не дал ни одного повода. Даже при большом желании зацепиться оперативникам было не за что – ни приводов в милицию, ни драк, ни разбитых стекол, ни прогулянных уроков, и в результате – никаких приключений: школа, не полученная из-за упрямого физкультурника серебряная медаль (я ненавидел лыжные кроссы и упорно прогуливал зимнюю физкультуру), учеба в Универсе, первая настоящая любовь, пламя страсти, разбитое сердце, утешение в объятиях подруги бросившей меня девушки. Затем первая работа, заочная аспирантура, после чего я со-

вершил, наверное, один из самых опрометчивых поступков своей жизни и позарившись на внешний глянец небоскребной рекламы международных аудиторских гигантов, подал резюме в одну из компаний «четверки», там же случилось знакомство с Аней (где еще знакомиться людям, регулярно проводящим на работе двенадцать часов в сутки?), вялотекущий, но милый служебный роман, а еще через год, в момент моего перехода из одной «четверочной» компании в другую, совместное решение о нашей женитьбе – чтобы связи не потерять. А еще через пару лет рождение Кирюши. Как пел Майк Науменко: «Я обычный парень, не лишен простоты, я такой же, как он, я такой же, как ты», – и далее по тексту с небольшими вариативными отклонениями. К примеру, когда я делаю что-то не то, моя милая жена не одевает пальто и не едет к маме, а начинает на меня орать.

Итак, в шесть двадцать восемь (двадцать восемь минут прошли за просмотром новостей и личной почты) я вышел из офиса и нажал кнопку лифта, даже не осознавая, что сейчас я отправляюсь не на переговоры, не в офис к контрагентам, не на проверку работы своей команды этажом ниже – я еду домой. Чувство было необычайно странное и непривычное, как будто ослика, десять лет ходившего по кругу водокачки, вдруг отвязали от упряжи и, хлопнув по ляжке, отпустили на все четыре стороны. Только в отличие от ослика, я мог поехать домой.

К моему удивлению, Ани дома не оказалось, с Кирюшей

сидела теща. Увидев меня дома в будний день впервые за много лет, она страшно удивилась, но затем, сообразив, что теперь свободна, моментально испарилась, а я пошел прогуляться с сыном.

В подобном неспешном ритме потекли дни. И дома, и на работе все шло своим чередом. В этом графике я мог спешить на работу, не торопясь. Мог сидеть у окна, смотреть в пустоту и напевать про себя песню о новой жизни на новом посту, благо в отдельном кабинете меня никто не слышал. Я стал действительно замечать жизнь, видеть ее и жить ею, а не отчетами, встречами и бридж-диаграммами. Теперь я наконец-то мог проводить больше времени с Кирюшей: каждое утро я сам отводил его в садик и довольно часто успевал даже забирать его оттуда. Я возобновил свои кулинарные изыски, совершенно заброшенные во время моего восьмилетнего беззаветного погружения в работу – я с детства любил готовить и теперь с радостью почти каждый вечер придумывал на ужин что-то новое: то филе утки с брусничным соусом, то карпа в горчичной корочке, то креветки карри, то фаршированных кальмаров. А по выходным отправлялся с Кирюшей (Аня по разным причинам к нам не присоединялась) то в парк, то в кино на мультики, то в планетарии-дельфинарии, – в общем, наслаждался покоем семейной жизни. От этой ублаживающей размеренности я, можно сказать, погрузился в гипнотический транс или в осознание того, что жизнь так и будет медленно куда-то катиться.

Мне стало казаться, именно подобное состояние и представляет собой счастье, хотя в голову и закрадывались мысли – до самой смерти уже ничего не изменится, кроме цифр на торте в день рождения. И от этого иногда становилось не по себе, словно едешь на красивой карусели и несмотря на свой непрерывный бег, ни на сантиметр не сдвигаешься с места. Но, как выяснилось немного позже, Аня по поводу и жизни, и счастья придерживалась совсем иного мнения.

Подтверждая свое почти полное соответствие образу лирического героя песни Майка, я мог с полным основанием заявить: «И, как у всех, у меня есть друг». Таким другом, единственным, с кем я относительно регулярно общался вне офиса и семьи, был Денис. Последний из могижан, еще не павший в неравной схватке с моим образом жизни. Остальные по мере моего погружения в пучину работы и семьи растворились без следа в этой крайне агрессивной для дружбы среде. Как известно, дружба требует общности взглядов, и правда, мы с Денисом были похожи, даже внешне.

Нет, не потому что подобное притягивает подобное, формально Денис состоял со мной в родственных отношениях – являясь мне братом, то ли троюродным, то ли еще большей кратности, и в сумерках малознакомые близорукие люди часто нас путали. Мы оба закончили экономические факультеты разных, правда, универов, любили одинаковую музыку – рок-клуб, естественно, *Pink Floyd* и, безусловно, *Depech Mode*, а также имели схожие вкусы касательно книг, кино

и прочих художественных ценностей. Этим наше сходство ограничивалось, и начинались отличия – нам нравились абсолютно разные типажи девушек (для крепкой дружбы это большой плюс – вероятность возникновения острого желания отбить подругу у товарища крайне низка), в отличие от меня Денис проработал в хомуте корпоратива всего пару лет, после чего организовал на пару со школьным товарищем, мастером на все руки, частный бизнес автосервисов, шиномонтажей и моек. Также Денис за пять лет семейной жизни обзавелся двумя дочками и одновременно увлеченно коллекционировал отношения с девушками. Коллекция за это время собралась внушительная. Я же после начала отношений с Аней, кажется, даже ни разу и не подумал о чем-то подобном – был слишком занят, да и случая не представилось.

Без сомнений, различий у нас имелось значительно больше. И хотя абсолютно невозможно логически объяснить, почему ты с кем-то дружишь, спроси меня о причинах моей дружбы с Денисом, немного поразмыслив, я бы ответил, наверное: «Потому что у него есть чему поучиться...» Я бы хотел быть похож на него: независимого, самостоятельного, спокойного и рассудительного. Не говоря уже о его нереально крутом чувстве юмора. Правда, юмор его частенько выглядел черным нуаром, а некоторые считают, что его шутки граничат с трэшем. К примеру, всякая девушка получает от него настолько точную и четкую образную характеристику, которая моментально становится ее прозвищем в нашей

компании. За глаза, конечно. Не станем же мы называть кого-то Рапунцель, Дюймовочкой или Мальвиной, хотя в репертуаре Дениса фигурировали не только сказочные персонажи. Встречаются также Грэг Бамбула (так именуется девушка от 175 см ростом и с размером одежды от 48, в случае меньшего размера она именуется Каланчой, Глистой или Верстовым Столбом), тетя Мотя и даже Мартышка. У Дениса прекрасно развито образное мышление. Мне это невероятно импонировало, но самому так креативить у меня никогда не выходило.

Места встреч мы каждый раз выбирали по очереди – так мы расширяем друг другу жизненное пространство, каждый раз оказываясь в незнакомых друг для друга. На этот раз подошла моя очередь, и предложил паб «Вальтер Скотт» – я люблю нешумные и спокойные заведения, где хорошо смотреть футбольные матчи. Аня футбол ненавидит, и поэтому повод для встречи с Денисом у меня был более чем уважительный – в тот вечер играли мои любимые «красные дьяволы».

В случаях, когда рулевым оказывался Денис, мы отвисали то в «Иксах», то в «Пурге», то в каких-то барах с отчаянными названиями вроде «Полундра!», после чего все дни, следующие за нашими встречами, я жутко мучился большой головой. Денис, как всегда, опаздывал, и, дожидаясь, я в одиночку выпил почти целую пинту «Гиннеса», я даже не заметил – без болтовни лучше ощущается вкус. Явившись, он

осуждающе хмыкнул, кивая на мое пиво:

– Подождать не мог?

– Привет, – допивая кружку, промычал я.

– Привет, привет, от худых котлет, – подмигнул он.

Денис был, как всегда, небрежно моден – небрит и комфортно казуален. Кстати, стиль являлся еще одним нашим отличием – даже если очень постараться, у меня вряд ли получится выглядеть как рекламная модель Diesel или Pepe Jeans, а у Дениса это выходит вполне органично. Единственное, что несколько нарушало почти идеальный образ, – свежая, довольно глубокая царапина почти через всю щеку.

– Ты что, кошку купил? – высказал я наиболее логичное предположение.

– Кошку?! Это, считай, боевое ранение! – в голосе Дениса слышались нотки гордости.

И в ответ на мою удивленную физиономию он с напускной небрежностью продолжил:

– Форс-мажор случился. Таня на смене в гостишке, Машка с Катькой спят, а я ночью пригласил к себе девушку-красавицу, не мерзнуть же одному в постели... Думал, спроважу до того, как дети проснутся, но не вышло! Мы накувыркались и уснули, а наутро Маша пришла и видит в кровати чужую тетю. Мне же, главное, ничего не сказала, а маме, как та с работы вернулась, моментом сдала. Татьяна, конечно, на меня с ходу набросилась, еле отбилась – вот, и ранение получил! Конечно, я дурака включаю! «За что?», – спраши-

ваю. Она мне и заявляет: наша дочка видела какую-то незнакому тетью в постели! Я, естественно, в несознанку – говорю, дочке спросонья привиделось, она ведь тебя всегда в кровати видит, а тут тебя нет, вот ей и показалось! А тебе, сказал ей, работать по ночам меньше надо и детям стресс не создавать! И дочке подзатыльников надавал! Я за ее глюки отвечать не должен...

– И что?

– Что-что! Поверила, конечно! Еще извинялась, а я только за минет простил! А у тебя как?

– Нормально! – ответил я бодро и принялся рассказывать о своем офисном санатории, о куче свободного времени, об ощущении свободы и прочих переполнявших меня радостных чувствах.

Реакция Дениса меня не сильно удивила, слишком хорошо я его знал:

– Молодца, брателло! Рад за тебя, конечно, только пойми одно: настоящая свобода – это жить без начальника, а вставать без будильника. Вот когда сможешь себе это позволить, тогда и поговорим!

Тут мы пустились в длинный и нескончаемый диалог, тянувшийся у нас с Денисом, наверное, с тех пор как он покинул свой пост в «четверке». Он упорно твердил – жизнь в корпоративном формате превращает человека в инвалида.

– Помнишь у «Ноля» песню про инвалида нулевой группы?

Я кивнул.

– Вот в таких инвалидов и превращает! Хотеть – хочет, а мочь – уже нет!

– Нет, дружище, это смотря с какой стороны посмотреть! Кто-то пропускает весь гнилой базар мимо себя и остается в норме. А кто-то начинает верить – это и есть настоящая жизнь, и становится офисным зомби. Есть и такие, кто вовремя просекает и сваливает к чертям, как я.

– Ты Ане скажи спасибо, – замотал головой Денис, – она ведь тебе всю плешь проела, чтобы ты валил оттуда скорее. Правда, у нее на этот счет интерес.

– И какой же?

– Не понимаешь? Чтобы ты под боком был! Она с тобой где познакомилась? В офисе, так сказать, в водовороте кипящей работы, а теперь, когда ее в этом офисе нет, вдруг какая другая красавица тебе под руку подвернется? А проекты ваши в разных Мухосранских и Кислодрищенских? Сколько ты там пропадал? Месяца по три?

Я снова кивнул. На одном тренинге учили делать вид, что вроде принимаешь, но не соглашаешься и таким образом, не вступаешь в конфронтацию.

– Ну вот! А что ты там делаешь? Непонятно!

– Но я ведь ее люблю! И Аня это знает!

– Знает! – с издевкой передразнил меня Денис. – Знает, ты вроде как порядочный и сам к девкам первым не подкатишь! А если кто на тебя полезет, устоишь?

Я пожал плечами, мол, откуда я знаю, там видно будет, а потом на экране замелькали красные футболки МУ, и разговор сам собой трансформировался в односложные восклицания, чередовавшиеся предложениями типа «давай!», «красава!» и «ну что такое?».

Не успел закончиться матч, как у меня загудел телефон – пришло сообщение. Я даже не шевельнулся, не надо быть Нострадамусом, чтобы угадать отправителя и примерное содержание. Во всяком случае, там не окажется фразы: «Как ты, дорогой? Я скучаю». Скорее всего, на экране я увижу: «Долго еще будешь шляться?», либо «Ты домой собираешься?», или в лучшем случае «Купи молока». Я глянул на часы, время было позднее, около десяти.

– Ладно, давай закругляться, – сказал я. Выслушивать от Ани монолог на тему о месте семьи в жизни мужчины мне совсем не хотелось, тем более, знал я его наизусть, а принципиально новых положений в нем не появлялось.

– Тебе к ноге пора? – подмигнул Денис.

– Да нет! – отмахнулся я. – Просто если я поздно прихожу, Кирюша может проснуться, – зачем-то принялся я оправдываться.

– Брось! Ты серьезно? А скажи-ка мне, Кирюша твой что, никогда не просыпается, если ты дома сидишь?

– Просыпается...

– А что случится, если ты придешь не в десять, а, например, в одиннадцать, или вообще не придешь ночью? Даже ес-

ли ребенок проснется? Ну, это я гипотетически, так сказать!

– Не знаю, – пожал я плечами.

– Зато я знаю! НИ-ЧЕ-ГО! – для пущей убедительности произнося отдельно каждый слог, Денис тыкал в мою сторону пальцем. – Да просто в данном случае ребенок – отличный повод тобой манипулировать! «Ой, скорее приходи, а то ребенок проснется!» Если ребенок просыпается, кто его укладывает? Ты?

– Иногда я, иногда жена... Ну, она, наверное, чаще...

– Так в чем проблема?! Ты что, каждый день приходишь домой поздно и пьяный?!

– Нет, конечно, – помотал я головой.

– А может, она у тебя нимфоманка? – прищурился Денис.

– При чем здесь это? – не понял я.

– Есть у меня приятель один, так вот, бывает, мы сидим, бухаем, ему SMS приходит, он уезжает на пару часов, потом возвращается дальше бухать, и так почти всегда. Как-то раз напились и начали его пытаться, куда же он ездит. Ну он, наконец, раскололся – жену трахать. Ей, видите ли, бывает, так накатывает, что неспособен, вот он и мотается. Ну, чтоб она по соседям не шлялась, наверное.

– Да какая Аня нимфоманка! – рассмеялся я, уловив промелькнувшую в извилинах мысль: совсем немного нимфомании у Ани пошло бы на пользу нашим отношениям.

– Так что случится, если ты удержишься немного? – хлопнул по столу Денис. – Не понимаю! Вернее, понимаю,

почему это происходит, но никак не пойму, почему ты это терпишь!

– Что терплю?

– Как тобой манипулируют!

Я пожал плечами.

– Не манипулирует она мной! Зачем ей?

Денис расхохотался, будто я выдал угарную шутку:

– Ты что, думаешь, она прямо так и решила: «Стану-ка я Максимом манипулировать! И как же это лучше сделать?» – и план начала составлять, так?

Я скроил непонимающую физиономию.

– Нет, конечно! – хлопнул он меня по плечу. – Она ведь не вконец прожженная стерва! Наверное. Просто природа у них такая – держать своего мужика поближе, а лучше, если на коротком поводке! Для порядку.

– Для какого порядка?

– Типа, нефиг! – Денис хлопнул кулаком по ладони. – А то раз пойдешь с друзьями, два пойдешь, а потом какая-нибудь девка подвернется, и понеслась! Не ясно? Им просто так спокойней – раз рядом, то ничего не случится!

– Так я же годами в командировках пропадал?

– А она тебя не прессовала, чтобы ты с этим скорее завязывал? А теперь плющит, чтобы ты у ног ее сидел и не птюкал...

– Да не плющит она меня! – отмахнулся я, стараясь сохранять как можно более непринужденный тон.

– Не плющит, конечно! – издевательским тоном поддакнул Денис. – Так, просто вырабатывает условный рефлекс: когда ты дома сидишь – она хорошая, ты куда-то пошел – она ворчит и недовольна. Тебе, понятное дело, это ворчание не нравится, ты встречаешься с друзьями все реже, чтобы это не слышать, постепенно ты вообще перестаешь куда-либо ходить и наслаждаешься тихой семейной идиллией!

– Ну, ты хватанул! – с этой теорией я был категорически не согласен.

– Ты не торопись с выводами! Понаблюдай за ситуацией, ты же у нас аналитик! Потом расскажешь, прав я или нет! – подмигнул мне Денис.

– Ладно, давай, пойду я, – протянул я руку.

– Удачи! – Денис нарочито долго тряс мне руку и вдобавок еще хлопнул по плечу: – Держись!

Уже в метро телефон загудел вторым сообщением, я тут же вспомнил, что не проверил и первое. Видимо, Аня начала кипятиться. Нехотя я полез в карман. Второе сообщение действительно пришло от нее, с вполне ожидаемым «*Ты домой собираешься?*», а вот первая пришла с незнакомого номера: «*В субботу в 17.00 сбор выпускников 10 «Б», детали ВКонтакте Володя Марченко*». Я улыбнулся. Давненько я не видел и даже не слышал про большинство из них, и я тут же ответил: «Подтверждаю». Все так же улыбаясь, я засунул телефон в карман и поднял глаза – прямо напротив сидела милая девушка и тоже чему-то улыбалась. «Человек идет и

улыбается, значит, человеку хорошо», – невольно вспомнилась песня, которую любила напевать бабушка, но улыбаться я перестал от мысли о втором сообщении.

Вторая снежинка прилепилась к первой, когда я отправился на встречу выпускников, точнее, когда я с этой встречи вернулся. Только сообщив Ане о планах этой встречи, я заметил, эта идея ее не слишком обрадовала, а уж по возвращении она устроила мне, по меткому выражению одного моего знакомого, «цыганочку с выходом». Тихо, как мышь, ни разу не брякнув ключами, я вошел в квартиру и невольно вздрогнул, почти уткнувшись в Аню. Возникло впечатление, что она караулила меня прямо под дверью.

– Ты так и собираешься вечно шляться? – грозно нахмурившись, спросила она.

Я вздохнул.

– Привет! – пробормотал я, неуклюже попытавшись ее обнять.

– Отстань, – тряхнула она плечами, – чего ты ко мне лезешь?! Сначала объясни мне свое поведение хамское, а потом обниматься лезь!

Я опустил руки и отшагнул.

– А что хамского я, по-твоему, сделал?

– Времени сколько? Ты позвонить мог?!

– Зачем? Я же предупредил, что иду на встречу выпу...

– Ты не понимаешь? – оборвала она меня, еще сильнее сдвинув брови. В этот момент, несмотря на махровый халат,

Аня смахивала на сердитую учительницу математики, для полноты картины ей только не хватало в руке длинной металлической линейки, которой она со свистом плетки разрезала бы воздух. Будь я мазохистом, внезапно пришло мне в голову, этот образ выглядел бы невероятно возбуждающим. Как ни старался, сдержать улыбку не получилось.

– Чего смешного? – Аня достигла крайней точки кипения и вот-вот должна была взорваться. – Ты издеваешься, что ли?

– Анекдот вспомнил, друзья рассказали, – смущенно пробормотал я.

– Анекдоты они там травят! А я тут... – от переполнявших ее чувств она даже поперхнулась.

– Что ты так нервничаешь? Может, у тебя эти?.. – спросил я участливо и немного осторожно. Снова приблизившись, я взял ее за руку.

– Что за «эти»?

– Ну, критические дни, – все так же осторожно предположил я.

– Какой же ты гад! – вырвала она руку и стремительно удалилась в спальню.

Тут мне пришло в голову – Аня почему-то кричит и совсем не беспокоится, что проснется Кирюша. Очень странно. Обычно после того, как он засыпал, мне надлежало передвигаться по квартире как ниндзя, а разговаривать (в том числе по телефону) как парижский мим.

Спать пришлось лечь на диване. Не потому, что так хотелось, того требовала ситуация. Анин критичный настрой не вызывал оптимизма. А вдруг ей придет в голову задушить меня во сне?

Сон на совсем не приспособленном для этого диване, несмотря на не менее чем десять рюмок водки, выпитых с моими школьными товарищами, никак не шел. Я все думал о последнем разговоре с Денисом, о моих отношениях с Аней, о его отношениях с Таней – как разное поведение соотносится с фактическим результатом, который эти отношения имеют в сухом остатке. Может, Денис абсолютно прав, и Аня специально на меня наезжает, чтобы держать на коротком поводке? Тут я представил себя стоящим на карачках, перетянутого черными ремнями, со строгим ошейником и в наморднике, рядом стояла Аня в своем голубом махровом халате, поверх которого висели хромированные цепи, на руках гирляндами висели проклепанные шипастые напульсники. Железной хваткой она держала меня на поводке. В ужасе я замотал головой, пытаюсь стряхнуть с себя ошейник, но Аня резко дернула поводок и топнула ногой.

– Сказала тебе, сидеть! – рявкнула она.

Тут мне стало совсем жутко, а потом я понял, что уже сплю. От этого чуть полегчало.

Адская кухня

В День святого Валентина я пришел домой, как сложилось за последние пару месяцев, довольно рано. Я все еще никак не мог привыкнуть к своему курортному режиму работы, и мне казалось, то ли я в отпуске, то ли на больничном. Жены дома снова не оказалось, теща сообщила, что Аня на спорте, Кирюша накормлен и спит, а она уже, считай, ушла. Оставшись один, я занялся ужином. По пути я купил бутылку *Vino Nobile di Montepulciano* 2004 года и седло барашка. Сполоснув запыленный от долгого простоя декантер, я приступил к мясу. Кирюша еще спал, и я спокойно и вдумчиво мог заняться этим процессом.

День святого Валентина для нас с Аней традиционно был особенным – именно этот праздник стал первым, встреченным вместе. И потому я, даже прекрасно понимая его искусственное происхождение, с радостью покупал красные сердечки, цветы и прочую дребедень. В моем случае циничный маркетинговый расчет сыграть на самых светлых чувствах попал точно в цель – ощущение искренней радости в этот день было гораздо важнее желания в пику маркетинговым схемам не поднимать выручку рознице в период глубокого постновогоднего спада.

Аня вернулась как раз к моменту, когда мясо приближалось к грани, за которой следовал полураспад. Я тут же от-

крыл вино, аккуратнейшим образом перелил его в декантер и полез в духовку за бараниной. Не успел я и глазом моргнуть, как жена успела не только налить вина, а еще сделать внушительный глоток.

– Фу, оно с привкусом каким-то, – сморщив недовольную гримасу, заявила она. – Что ты там приготовил?

– Ты что делаешь? – взмахнул я руками. – Кто ж такое вино сразу пьет?! Оно же минут пять подышать должно! А приготовил седло барашка, – с гордостью ответил я и добавил: – В лимонно-медовом маринаде!

– Ты что, не знаешь – я не ем баранину? Так сложно запомнить?

– Да ты хоть попробуй сначала! Это же рецепт Джеми Оливера!

– Какая мне разница, какого там Оливьера, если я баранину не ем?! От нее же воняет!

Я вздохнул. Я попытался апеллировать, что покупал я новозеландскую баранину, мариновал ее в лимонно-медовом соусе с изрядным содержанием чеснока, отбивающим даже легкий отзвук этого самого запаха, но бесполезно. Переубедить Аню, если она упиралась, как ишак Ходжи Насреддина, было сложнее, чем заставить Мону Лизу заплакать.

У меня даже из головы вылетело, какой сегодня день и что Ане надо бы вручить подарок (букет красовался на столе), однако она сама никогда не оставляла ни единого шанса об этом забыть.

– Ты подарок ты мне купил?

– А как же!

– Так чего ждешь?

Я достал из портфеля красный сверток, хотя первоначально я планировал эффектно достать его после первого тоста за нашу любовь. Аня разорвала упаковку и, увидев духи, разочарованно выдохнула:

– Что, ничего лучше не придумать не мог?

– Мог, – пожал я плечами, – только обсуждать это бесполезно, подарок-то вот.

– Ну почему ты никогда даже подумать не хочешь? Тебе что, все равно, лишь бы отделаться?!

Я снова пожал плечами. Говорить не хотелось. Настроение испортилось вконец. Я налил почти полный бокал Montepulchiano и спохватился, уже сделав первый глоток. Он получился просто огромным. Подобное обращение с вином являлось форменным варварством. Вот как стресс неблагоприятно сказывается на поведении – испортил себе все удовольствие!

Аня тем временем сунула мне в руки пакет ожидаемого красного цвета и принялась куда-то звонить.

– Может, поедим сначала? – предложил я.

– Не буду я есть, сказала же! Подарок посмотрел?! – громким шепотом бросила она, прикрывая трубку рукой.

Пока Аня разговаривала по телефону с двумя подругами и мамой, на это у нее ушло не более сорока минут, я успел

в одиночестве поужинать бараниной, она слегка перестояла, но даже на мой взыскательный вкус получилась вполне сносной.

Тут проснулся Кирюша – из детской послышалась возня и бормотание, и я отправился к нему. Он обожал, когда я с ним возился, особенно спросонья.

– А ты мой подарок еще не открыл?! Тебе что, наплевать?! – нахмурилась Аня.

Я поставил Кирюшу на пол и принялся распаковывать подарок. Кирюша тут же начал реветь, он всегда очень остро переживал прерывание процесса общения с папой. В свертке оказалась коробочка с запонками.

– Правда, красивые?!

– Красивые, – кивнул я, – только рубашки под них нет!

– Значит, купить надо! Должны же у директора быть рубашки под запонки!

Я кивнул. С этим спорить не стоило, более серьезных поводов было предостаточно. Я сунул в дисковод своего древнего хай-энд проигрывателя Best of Depeche Mode и нажал на «shuffle». Несмотря на формальное отсутствие интуиции, электроника выбрала «Black Celebration»⁸. Крайне символично! Лучший выбор после «Blue Valentine»⁹ Тома Вейтса (впрочем, которого на диске и быть не могло)! Я пошел запускать с Кирюшей машинки в коридоре, параллель-

⁸ (англ.) Черный праздник

⁹ (англ.) Грустная «валентинка»

но наблюдая за бурлящими в голове мыслями в духе «Blue Valentine». Гнать их прочь никак не выходило. Чтобы отвлечься, я решил попробовать аутотренинг, подробно объяснение которого я читал в каком-то самолетном журнале. Совсем не помогло.

Восприятие часто играет с нами странные штуки. Обычно мы видим только интересующий нас предмет или нечто, бросающееся в глаза. У меня была знакомая, ее бросил жених у порога ЗАГСа и в поисках утешения она с головой погрузилась в танцы. Встретившись с ней через месяц после трагического события, я удивился, насколько успешно у нее прошло вытеснение жениха. Она захлеб расписывала, как танец отражает жизнь в себе, как в капле воды, и все сущее – рождение, смерть, любовь – есть танец. Похожая история произошла с другим моим товарищем, посвятившим все свое свободное время карате. Вспомнил я этих забавных персонажей, отметив за своим восприятием одну странную избирательную особенность: начав обращать внимание на Анино поведение, почему-то все ее поступки я стал трактовать исключительно в негативном ключе.

А хорошее, конечно же, было. Как без него? Иначе я просто не смог бы прожить с ней эти семь лет. Романтические ужины при свечах, умопомрачительный секс, радостное ожидание рождения Кирюши и прочие банальные радости семейного быта. Но вот только теперь все это хорошее постепенно стало заслоняться день ото дня растущим снежным

комом. И если моя прежняя работа функционировала в качестве безотказного средства для потери памяти – после общения с тамошними гоблинами и стервами, мой дом казался райскими кущами, населенными феями и купидонами, – то сейчас офисная санаторно-курортная атмосфера резко контрастировала с некогда казавшимся милым домом.

Символично, что налипание снежинок после дня Святого Валентина ускорилось и теперь происходило с катастрофической быстротой, и, как мне казалось, главным катализатором роста снежного шара стал Денис. Почти каждая встреча с ним добавляла пару-тройку сантиментов к небольшому еще на тот момент снежку.

Достиг он внушительных размеров шара после нашей памятной встречи, состоявшейся в одну из суббот, на этот раз просто так, без повода. Сообщив Ане, что сегодня у меня мероприятие с моим единственным другом, я пытаюсь не обращать внимания на слегка испорченное настроение, вышел из дома. Аня, видимо, предполагая, в этот вечер сплавить меня на прогулку с Кирюшей, решила съязвить:

– А с сыном что делать прикажешь? В окно выбросить?

Это означало – Аня строила на вечер иные планы, которые внезапно пришлось менять, но настроение этой фразой она изрядно мне подпортила, в голове бродили мысли, что я променял прогулку с единственным сыном на пьянку с единственным другом.

Хотя друзей у меня было достаточно. Не миллион, конеч-

но, но все же. Взять хотя бы Женю, моего бывшего коллегу по «четверке». С ним-то мы абсолютно разные – он позитивный, весельчак-балагур, душа компании и любимец женского пола. Единственное, в чем мы похожи – любовь к кулинарии, он отлично готовит и я никак не пойму, чего он забыл в аудите – гораздо органичнее Женя смотрелся бы на сцене КВН или в колпаке шефа гламурного ресторана: Несмотря на катастрофическую занятость, он всегда умудрялся выкраивать время для своих маленьких радостей жизни, секрет этого, наверное, крылся в его идеально налаженном рабочем процессе и почти до секунд расписанном порядке действий, такой же подход он исповедовал и к своим хобби, тратя на них строго отведенное время. Его системный подход распространялся и на все мелочи – дома. Дома у него имелись французские бокалы почти под все виды вин, итальянские сковородки, английский фарфор и японские ножи. На балконе он круглогодично разводит разнообразную зелень, чтобы иметь под рукой свежие рукколу, ромейн и шпинат. Как-то раз он провел мне экскурсию по своей кухне, после чего я почувствовал себя абсолютным профаном в кулинарии, хотя до этого был уверен в обратном. Только живет он в Москве, и потому вижу я с ним, увы, совсем не часто. Общение с ним заряжает положительными эмоциями – ведь он счастливый человек, умеющий радоваться тогда, когда, вроде бы, совсем нечему. Может, потому, что у него все прекрасно в семье – он до ужаса обожает жену и дочку. Пока

Женя не познакомил меня с предметом своего обожания, я не сомневался: он женат на богине или как минимум на сказочной принцессе, так восторженно он ее описывал.

Впервые оказавшись у Жени в гостях, я, помню, поразился несоответствием между образом, сложившимся у меня голове и его реальным прототипом. Начнем с простого: Надина внешность на принцессу никак не тянула – нос почти как у тролля из иллюстраций к норвежским сказкам, небольшие, глубоко посаженными глазки, ноги-тумбочки и как минимум семь кило лишнего веса. И это я молчу о невероятно высоком самомнении. Особенно, она старалась всем своим видом продемонстрировать – именно она в доме настоящая хозяйка, а Женя, так, на подхвате.

Но более всего меня поразило, что Женя и не думал с ней спорить, а весело поддакивал. Такое странная реакция полностью рушила его имидж, ведь я был в полной уверенности: Женя – классический образчик сердцеда, бабника и мацо. Однако, сам Женя постоянно всем хвастался своей безупречной верностью. Сначала я думал списать это утверждение на его врожденную скромность. Но раз под занавес одного корпоратива, когда алкоголь стал оказывать на участников действие сыворотки правды, я разговорился со своей московской коллегой, месяц проработавшей в команде с Женей на аудите в Котласе.

– Представляешь, – с искренней пьяной обидой жаловалась она, – как бухать или шуточки про сиськи мои отпус-

кать, он тут как тут! А как до дела, так сразу в кусты!

– До какого дела? – я постарался изобразить искреннее непонимание.

– Да ладно тебе дурачком прикидываться, – засмеялась она. – Когда я к нему в номер попыталась зайти, он на пороге мне заявил: «я жену свою люблю» и спать меня отправил! Одну! Будто я своего мужа не люблю!

Поэтому моя клиническая верность ни в коем случае не казалась мне странной. Впрочем, повода ее нарушить у меня и не возникало. Справедливости ради стоит заметить, в этих вопросах я часто веду себя как слепой. Не раз друзья мне тыкали – вон та девица на тебя пялилась и вокруг ошивалась, чего ты ее не оприходовал? А я ни сном ни духом. Поэтому, учитывая мою невнимательность, вернее, неумение разбираться в женщинах, логично предположить, что за все эти годы возникали гипотетические возможности адюльтера, просто мне в голову не приходило их реализовывать. Вероятно, еще и по причине, как сформулировал бы Денис, высоко задранной планки, и если девушка до этой планки не дотягивает, то воспринимаю я ее исключительно в качестве собеседницы. Стоит отдать должное, внешне Аня полностью соответствовала моей планке, кто-то мог бы даже назвать ее красавицей. Как я теперь понимаю, красота эта не выходила за пределы внешних проявлений. Интересно, бывают такие красавицы, чтобы и все остальное соответствовало идеалу? Или это исключительно киношный вариант? Мои размыш-

ления на тему несбыточных мечт прервал Денис, на этот раз опоздавший минут на сорок.

– Привет, брателло! – хлопнул он меня по плечу.

– Привет, привет, от худых котлет, – ответил я его же приколлом. – Как сам?

– Как пустой универсам! – криво ухмыльнулся Денис.

– Что так?

– Вовчика помнишь, партнер мой по бизнесу? Шляпу совсем потерял – связался с какой-то молодой девкой, в офисе не появляется, жену бросил. Нам зарплату работягам платить, а он ее всю спустил, на карту компании покупает ей разное барахло! Я эту девку по базе пробил – она проститутка дорогая, а ему представилась как модель. Хотя какая разница? Модель, проститутка... Ай, ладно! Ты-то как?

– Не знаю, – вдруг неожиданно, прежде всего для себя, ответил я, следуя какому-то непонятному импульсу, и вместо обычного «нормально» продолжил развивать тему дальше: – Радости нет. Понимаешь, как с бракованными елочными игрушками.

– В смысле?

– Ну, из анекдота старого, не помнишь? Комитет по защите прав потребителей предупреждает, в продаже появились бракованные елочные игрушки, на вид как обыкновенные, только не радуют...

Денис состроил вежливую гримасу, похожую на улыбку:

– Я не помню, ты сколько лет женат? Семь-восемь?

Я кивнул.

– Так, а ты что хотел от семейной жизни?

– Не знаю, – пожал я плечами. – Радости, счастья, спокойствия...

– А-а-а, – искренне и очень весело рассмеялся Денис, будто невероятно смешной шутке, – ты об этом!

– А что смешного? – даже немного обиделся я.

– Пойми, брателло, изначально семья для счастья не предназначена. Биологически семья – это что?

– Что? – недоуменно переспросил я.

– Способ выживания вида! Безопасность, размножение, разделение обязанностей для совместного ведения хозяйства! Счастья и радости в этом списке нет! Сам посуди, в каменном веке для чего семьи создавались? Мужчина охотился, медведей от пещеры отгонял, женщина готовила, коренья там разные собирала, детей рожала, чтобы те, как подрастут, в хозяйстве помогали. А сейчас, в обществе потребления, безопасность выходит на даже не на второй план, а на десятый, вот люди и начинают о другом задумываться. Мало им безопасности! Им подавай еще и радость, счастье, спокойствие! А еще и зажигательный секс, отсутствие обязательств, независимость. А семья этого дать не может!

– А зачем тогда вообще семья, по-твоему?

– Инстинкты! – снисходительно бросил Денис. – До тридцати срабатывает инстинкт размножения, после сорока – инстинкт самосохранения.

– То есть?

– Страшно на старости лет одному остаться. Хотя бывают еще вообще клинические случаи, когда женятся исключительно из-за мегаломании, видишь ли, надо им чувствовать собственную нужность хотя бы кому-то.

Я пятерней стал теревить волосы. Я всегда так делал, когда попадал в затруднительную ситуацию.

– А как же любовь? – возмутился я. В голове картинка не складывалась. – Нет, ну...

– Что «ну»? – с ухмылкой перебил меня Денис. – Баранки гну, согну и дам одну! Ты, я смотрю, начитался книжек дуррацких и фильмов голливудских насмотрелся о счастливых семьях и романтической любви. Выброси это из своей дурной головы и забудь, – тут он отхлебнул пива, – не бывает так в жизни!

Сразу я и возразить ничего не смог, вообще я очень долго соображаю. Это, безусловно, мое самое слабое звено. В работе не сильно мешает – я всегда очень основательно готовлюсь к встречам, а вот в остальном... Наверно, поэтому я не могу эффективно с Аней вести диалог. Денис достал сигарету, прикурил и, смачно затянувшись, продолжил:

– Вот расскажи мне, дружище, что ты считаешь счастьем?

Я завис, как комп на загрузке, судорожно поскрипывая винчестером. А что же мне, собственно, надо? В голову лезла сплошная банальщина:

– Ну, наверное, радость, понимание...

Денис яростно замотал головой, явно со мной не соглашаясь.

– Что не так? – неуверенно спросил я.

– Да так все, конечно, – неожиданно кивнул он, – но это тебе так кажется. А вот спроси жену, что она счастьем считает?

Я на секунду представил, как задаю этот вопрос Ане. Долго думать она бы не стала: «Все мечтаешь? Ты бы лучше в магазин сходил! Вон дверь скрипит, ножи бы наточил, сколько тебя просить можно! О счастье он думает! Ты лучше о ребенке подумай, вот кто его из сада забирать будет!» И так далее, и тому подобное. Я кисло улыбнулся.

– Думаю, ответила бы как-нибудь по-другому...

– Правильно! – воскликнул Денис и снова отхлебнул пива. – Для нее счастье – это совсем другая история. Но знаешь, в чем парадокс?

– В чем? – я совсем не понимал, к чему Денис пытается втолковать мне прописные истины. Будто я сам не понимаю!

– В том, что счастливым в семье может быть или один, или никто. Конечно, не считая первого года совместного проживания, пока секс случается каждый раз, когда они остаются вдвоем. Тогда гормоны заслоняют все остальное, и анализировать какие-либо ощущения, кроме оргазмических, бесполезно. Но все самое интересное начинается, когда секс отходит на второй план. И вот тогда-то и разворачивается вторая часть Марлезонского балета. Кстати, самая увлекательная!

Я состроил заинтересованное лицо. Философские рассуждения Дениса базировались исключительно на его личном опыте, и представлялись бесценным материалом. Пускаться в подобные приключения у меня не было ни времени, ни желания, хотя соблазн хоть раз испытать нечто подобное порой возникал.

– Так вот, в семье сразу оба счастливы быть не могут, только один! Либо ты, либо она! Если одному это удастся, то семья будет функционировать, если никто не счастлив – они разводятся.

– Как это? – не понял я.

– Очень просто, – Денис снова отхлебнул пива. – В семье всегда один подавляет другого, или, если хочешь, доминирует. И счастлив будет именно он, то есть доминант. Или доминантша! То есть либо ты ее, либо она тебя! Других вариантов нет, только природой женщины на то и придуманы, чтобы мужчины их имели, член-то у нас на что? Только феминистские штучки перевернули все с ног на голову!

– А если оба пытаются доминировать? – решил я найти уязвимость теории Дениса.

– Тогда происходит то, что называется «нашла коса на камень»... Жить вместе они не смогут по-любому: или разведутся, или убьют друг друга.

Я принялся придумывать контраргумент, но в этот момент меня кто-то хлопнул по плечу. Я обернулся и увидел сияющее лицо Вадима.

– Чего вы еще трезвые сидите? – с ходу взял он быка за рога.

– Не до того, – махнул рукой Денис. – Макс мне второй час по ушам ездит!

– Ладно, сейчас исправим, – Вадим тут же начал семафорить официантке. – Значит, так, несите нам «Чиваса»! Бутылочку сразу, конечно... и льда побольше, а дальше разберемся...

Увлечшись философским диспутом, я и думать забыл, что сегодня к нам планировал присоединиться Вадим, старый друг Дениса. В университетские годы они с Денисом казались всем почти сиамскими близнецами, но потом внезапно оборвали общение по причине, для меня до сей поры мутной. Сообщив о воссоединении, Денис прояснил мне и муть. Оказалось, семь лет назад Вадим закрутил с женой их общего друга, а Денис, будучи в те времена человеком чрезвычайно высоких моральных принципов, терпеть такого падения нравов не мог и раскрыл глаза обманутому мужу. Тот решил выследить и поймать морально опустившегося друга с поличным, попытка в итоге вылилась в еще больший конфуз, когда он застал жену в постели, но уже с другим своим товарищем. Впоследствии выяснилось, что она успела переспать почти со всеми друзьями и знакомыми мужа, а Вадим играл в этой порно-драме не более чем эпизодическую роль. Более того, Вадиму пришлось лечиться от каких-то скрытых инфекций, приобретенных в результате данного приключе-

ния, и смириться с потерей двух друзей. Однако настоящая дружба таки взяла свое, и, случайно встретившись лет через семь после этого инцидента на тусовке общих знакомых, Денис с Вадимом вновь погрузились во все тяжкие мужской дружбы.

Вероятно, желая окончательно обелить свое честное имя, Вадим предложил свою трактовку тех событий, аргументируя главным образом тем, что устоять перед настойчивой и одновременно с этим крайне привлекательной женщиной (а это собственно, и произошло, семь лет назад) практически нереально и в качестве наглядного доказательства своего утверждения он привел другую историю, недавно произошедшую с Денисом после их очередного совместного турне по барам. Вадим вскользь заметил, что тогда они слегка перебрали (я сразу понял – они допились до полной отключки), после чего стали разъезжаться по домам. В машине, остановившейся рядом с почти падающим Денисом, водителем оказалась девушка, Вадим это прекрасно запомнил, сажая друга в авто и записав его номер – у Дениса случайно оказался целый портфель денег, и бдительности Вадим не терял. Оставшая часть истории была известна только со слов Дениса, но в правдивости ее сомневаться не приходилось – на вранье друзьям его не ловили. Сначала, по ходу поездки у него с таксисткой завязалась увлекательная беседа, и вместо дома Денис, сам не заметил как, оказался на заднем сидении в объятиях страстной водилы.

Как он потом вспоминал, что почти ничего и не делал — пьяный был и портфель в руках мешал. Весь процесс проделала настойчивая девушка-шофер — полностью взяв инициативу в свои руки, она не успокоилась, пока наконец не добилась удовлетворения, а вот Денис кончить так и не смог.

— И почему же? — поинтересовался я. — Перепил?

— Я себе установку сделал — портфель из рук не выпускать, а если бы отпустил, то сто пудов бы потерял, а там денег куча целая, только о них и думал, вот и не кончил.

— Ты лучше расскажи, как после этого домой заявился и кончил с женой, — захохотал Вадим. — Ты, перед тем как к ней в кровать лезть, душ хотя бы принял?

— Иди в жопу! — отмахнулся Денис. — я же бухой был, не помню...

Я хмыкнул:

— Денис, а что ты мне эту историю не рассказывал?

— А чего тут рассказывать? Нечем хвастаться! — ответил Денис. Он всегда очень скромный, особенно когда дело касается сохранения лица.

Тут обнаружилось, что бутылка виски опустела, и Вадим сразу же принялся сигнализировать официантке, с просьбой повторить.

— Может, хватит? — осторожно предложил я.

— Согласен! — немедленно перестал размахивать руками Вадим. — Надо двигаться! У меня же сегодня событие — я своей наконец предложение сделал! Это после пяти лет сов-

местной жизни! Так, куда дальше пойдём?

– Такое дело надо по полной отметить! Тогда в «В отрыв!»! – вдохновлено воскликнул Денис.

– А мы ещё не в отрыве? – попытался я пошутить, пытаюсь сообразить, во сколько же смогу оказаться дома и смогу ли вообще – стрелки часов приближались к опасной черте с цифрой «12».

– Ещё нет, но скоро будем, – заверил меня Вадим.

Обещание Вадима и вправду исполнилось довольно скоро. В заведении, действительно с вывеской «В отрыв!», я понял, что давно оторвался от поверхности и, судя по ощущениям, уже вышел в стратосферу. Происходящее в большей части, оставалось для меня за кадром —напитки, разговоры, новые лица: я ничего не различал. Было очень темно, настолько же громко, а вкусовые рецепторы атрофировались настолько, что я вряд ли смог бы отличить виски от пива.

Вывалившись из «Отрыва» после четырех дринок, я вспомнил недавнюю программу на Discovery о воздействии алкоголя на организм – в моем случае, явно просматривались глубокая степень опьянения. Судя по имеющимся симптомам, подробно описанным в программе, угнетение функции коры головного мозга и подкорковых центров зашло у меня довольно далеко, и это не считая количества погибших эритроцитов! Я уже должен был потерять способность объективной оценки ситуации, себя в этой ситуации и взаимодействия с окружающими. Это, как обещала програм-

ма, должно привести к неадекватному поведению, представляющему угрозу не только для меня самого, но и для тех самых окружающих, взаимодействие с которыми я объективно не мог воспринимать. Кроме того, должна была появиться несвязность речи, нечеткость в движениях и походке. Для проверки я остановился и, закрыв глаза, попытался коснуться указательным пальцем кончика носа. Внезапно кто-то обхватил меня за плечи:

– Ну что, теперь в «Калигулу»? – закричал этот кто-то мне прямо в ухо. Я открыл глаза: кричал Вадим. – Давненько я не брал в руки шашек!

– Неделю минимум? – подмигнул ему Денис.

– А «Калигула» – это что? – решил уточнить я на всякий случай.

– Стильный блядюжник – стриптиз и так далее, – хлопнул меня по плечу Вадим. – А ты ни разу в «Калигуле» не был? – с искренним изумлением спросил он и когда я отрицательно помотал головой, недоуменно хмыкнул: – И Денис ни разу не сводил? Ай-ай-ай, Денис, как не стыдно!

– Мне стриптиз не особо интересен, – скривился я. – Не совсем понятен финал, вернее, отсутствие такового.

– А ты сам хоть раз там был? – спросил Вадим.

– Не был! А зачем?

– Ну, брателло, ты прямо как на партсобрании 60-х! Сам я Пастернака не читал, но заявляю, что это ярая антисоветчина! – снисходительно рассмеялся Денис.

– Ну, ладно, – хмыкнул я, – раз ты так настаиваешь, давай проверим!

Думать о последствиях и разборках (конечно же с Аней) совсем не хотелось, но предпринять некие превентивные меры все же стоило. Так сказать, в целях безопасности. Включив воображение, по пути в такси я настроил жене короткое сообщение: «*играем в бильярд на даче у Вадима, домой приду ~4*» Нажав на «send», я сразу почувствовал как отлегло. Во всяком случае, формально я оставался в рамках приличий.

Перед входом в «Калигулу» в джинсах завибрировал телефон. На экране телефона бесстрастно маячили цифры: 01:48, и, понятное дело, звонили не из банка с предложением выгодного процента по ипотеке. Из всех возможных вариантов существовала лишь микроскопическая, скорее гипотетическая, вероятность, что кто-то ошибся номером. Стараясь не смотреть на экран (а вдруг и правда ошиблись!), я глубоко выдохнул, нажал на зеленую клавишу «ответить» и медленно, с расстановкой, произнес:

– Алло!

То ли по причине угнетенной коры головного мозга, то ли от потери способности объективно оценивать ситуацию, то ли отчего-то еще я ощущал непоколебимое уверенное спокойствие, с каким, наверное, гладиаторы выходили на свой тридцать третий бой под холодно-безразличным взглядом Калигулы.

– Что «алло»? Ты совсем обалдел? – услышал я знакомый

голос. Аня пребывала в состоянии истерики.

Именно в этот довольно эмоционально насыщенный момент я с невероятной ясностью понял: если сейчас я хоть на секунду дрогну, то так навсегда и останусь жить при крепостном праве.

– Ань, что ты кричишь, я же тебе сообщение написал, – ответил я, стараясь дышать как можно более медленно и глубоко. – Я с Денисом, у меня все в полном порядке, домой приду не позже четырех. Волноваться не надо.

– Ты можешь вообще больше никогда домой не приходиться, сволочь! – заорала она и бросила трубку. Хотя, заметил я про себя, ничего она не бросала, а просто нажала на соответствующую кнопку.

– Хорошо, – спокойно ответил я в пустоту, как будто отвечая на несуществующую просьбу зайти по пути домой за батоном, после чего отключил на трубке и вибровывоз. В «Калигуле» у гардероба я увидел Вадима нежно лобзающимся с высоченной теткой стильного вида, напоминающую топ-модель преклонных лет. Заметив меня, он замахал рукой:

– Марго, смотри, мой старый друг, Макс. Он тут новенький.

Вырвавшись из объятий Вадима, Марго манерно протянула мне ладошку и томно произнесла:

– Привет, красавчик! Ну-у-у, добро пожаловать в рай!

Я и представить себе не мог, что ее слова следует понимать настолько буквально. Минут через пять, когда я сидел,

провалившись в мягкий диван, передо мной стоял кальян, а рядом со мной в обнимку сидела фактически неодетая или практически полностью раздетая девушка (оценка зависела от точки зрения), от которой исходил фантастический аромат духов, страсти и чего-то еще головокружительного, формулировка, предложенная хозяйкой заведения, представлялась мне наиболее точной.

Тем временем девушка, слегка касаясь губами моего уха, шепотом сообщила:

– А меня Вероника зовут, – он пододвинулась еще ближе и обвила меня руками за шею. – Давай-ка я это с тебя сниму, а то мешает контакту! – промурлыкала она, снимая с меня очки.

Ответить связно я не мог: степень моего опьянения приближалась к тяжелой, в непосредственной близости (эта причина, скорее всего, являлась определяющей) находился объект максимального уровня сексуальной привлекательности, в горле пересохло, к тому же поведение управлялось лимбической системой, что крайне затрудняло трансформацию чувств в слова.

Вероника нежно меня обнимала и ласково нашептывала ничего не значащую белиберду и я внезапно вздрогнул – ведь Аня со мной так себя никогда не вела! Во всяком случае, ничего похожего я не помнил.

– Может, пойдем в «приват», я хоть там тебя зацелую? — зашептала она мне на ухо, и я почувствовал, как ее пальцы

полезли мне под рубашку.

Что происходило в «привате», описать внятно довольно сложно, но если разобраться, то определение, данное хозяйкой этого заведения (язык не поворачивался даже в мыслях назвать ее «мамкой»), наиболее точно описывало мои ощущения. Я попал в рай. Видимо, эта фраза огромными буквами была написано у меня на лице и когда я вывалился из «привата», Денис с Вадимом хором заржали.

– Ну и видок у тебя, брателло! – Дениса душил смех. – Как у кота после крынки сметаны! Как, не обломался? Она хоть в твой топ-десять попала?

Я смущенно пожал плечами:

– Во-первых, любая оценка, данная в таком состоянии, будет крайне субъективной, а во-вторых, мне пора.

– Эй, ты чего? Приключения только начинаются, – немедленно парировал Вадим. – Щас поедем в один конкретный вертеп, вот там оторвемся по полной...

Но я уверенно отказался, я вполне четко осознавал – на этот вечер мне приключений хватит, тем более, главное приключение ждало меня дома.

По пути в такси, наблюдая за пролетающими за окном огнями, я совсем не слушал ночного бомбилу, упоенно заливавшего историю про вчерашний футбольный матч, а размышлял, какого места заслуживает Вероника в топ-10 моих женщин. Пересчитав количество женщин (с учетом Вероники) я уныло понял: цифра не превышает пяти и предложен-

ная Денисом система оценки не подходит. Очевидно одно – Вероника, по ощущениям, сразу попала в топ-три, даже принимая во внимание, что по формальным признакам, оценивать ее как женщину, с которой у меня состоялся полноценный контакт, я не мог.

Я усилием воли прекратил дальнейшие размышления на этот счет, иначе сгоряча бы поместил Веронику на абсурдное первое место. Тут в голове замелькали разнообразные вопросы, возникающие, как я слышал, почти у всех мужчин в определенный жизненный период. Вот и моя очередь подошла. Вопросы были до ужаса просты, но тем сложнее было найти ответы, особенно с залипшими от алкоголя эритроцитами. Почему секс с женой стал таким пресным? Неужели в жизни все так и останется? Неужели ничего хорошего больше не произойдет? И так далее. Спасибо водителю – он прервал мои горестные размышления, потребовав свои честно заработанные пятьсот рублей.

Тихо, как взломщик, я открыл дверь, по пути стягивая с себя одежду, пробрался в большую комнату и рухнул на диван, кое-как прикрывшись пледом.

Я даже слегка усмехнулся, от промелькнувшей в моем сознании последней ясной мысли: мои тактильные ощущения от прикосновений кожи Вероники настолько обострились, что лежащий на мне шерстяной плед, казалось, был сделан из крапивы вперемешку с колючей проволокой.

Лечебная физкультура

Наутро, несмотря на вчерашнее, проснулся я довольно рано, всего в пол-одиннадцатого. Практически вся суббота была впереди. Чувствовал я себя замечательно отдохнувшим, выспавшимся и невероятно бодрым. Я уже и не помнил у себя такого прекрасного настроения, но оставалось оно таким недолго. Стоило мне заворочаться, как я услышал недовольный Анин голос:

– Что, проснулся?

Начало беседы ничего хорошего не предвещало, однако сюрпризом тоже не стало, иного развития событий ждать не приходилось. Хотя в глубине души копошилась слабая надежда, что вчерашнее сойдет мне с рук, я не сомневался: Аня не успокоится, пока не вывалит на меня все, что у нее накопело. Но сколько там накопело, а главное, чего? Это мне и предстояло вскоре выяснить.

– Проснулся, – открыл я глаза. – Доброе утро!

– Доброе? Я чуть с ума не сошла, а он мне «доброе утро», – немедленно перешла в штыковую атаку Аня. – Ты что вообще творишь?

Я постарался состроить наиболее недоуменное выражение на лице, и, судя по ее реакции, у меня это получилось.

– Не понимает он! Ты обо мне подумал, о ребенке, или только о себе и думаешь? Как ты так можешь?

– А что, собственно, произошло? – вдохновленный примером Дениса, я продолжал строить из себя непонимающего ребенка. – Я же тебя предупредил! Сообщение отправил! Ничего же такого, если человек с друзьями немного посидел...

– Как это «что»? Ты не понимаешь? – глаза у Ани вдруг наполнились слезами, а этого вынести я никак не мог.

– Ладно тебе, – решил я резко изменить тактику, план «включить дурака» не сработал. – Конечно, понимаю. – Тут я даже попытался состроить сочувственно-виноватое выражение: – Ну, извини!

Извинения обычно действуют на людей успокаивающе. Это отличный инструмент, человек по крайней мере перестает жестко наезжать. Так говорили на тренинге по коммуникации, но с моей женой инструмент не сработал. Но такие элементарные приемчики на Аню, видно, не действовали.

– Что значит «извини»? Думаешь, сказал «извини», и все? – слезы вдруг как корова языком слизала, а глаза моментально стали жесткими, даже злыми.

Аня отлично умела себя распалать (к моему огромному сожалению, это умение никак не относилось к постели), и постепенно входила в состояние, в котором она звонила мне вчера ночью. Все-таки жаль, что я не мазохист, снова пришло мне в голову, а то я бы постоянно тащился от этих разборок. А мне хотелось, как можно скорее закончить этот разговор. Но Аня только начала и собиралась подробно, по

пунктам, изложить все, что у нее накопело и не только относительно данной ситуации. Обычно, она эксгумировала все мои грехи – и не подаренные цветы на 8-е Марта пять лет назад, и опоздание на какую-то премьеру в театр, и каждый непонравившийся подарок на всем протяжении нашей совместной жизни, и невнимательность к ее маме. Все эти факты наглядно иллюстрировали, какой же я черствый и невнимательный тип, как совсем ее не ценю и черной неблагодарностью плачу за ее исключительное ко мне отношение. Вывода, однако, из этого обычно никакого не следовало – видимо, предполагалось, что под гнетом всего перечисленного, я срочно кинусь исправляться.

В первые годы я и правда пытался, а потом просто забил – претензии, независимо от моих усилий, непрерывно росли. На этот раз мне повезло – на помощь пришел Кирюша. Он подошел и потянул меня за палец:

– Папа, гуать, – скромно попросил он.

Даже не позавтракав, я сломя голову кинулся к дверям, на ходу одеваясь. Но Аню на этой мякине было не провести, и, закрывая за мной дверь, она зло бросила мне в спину:

– Так и знай, мы с тобой не закончили!

Я почти выбежал на улицу с коляской: Кирюша в свои три года еще полностью от нее не отказался. Ему просто нравилось, когда его куда-то везут, он сидел, медитативно разглядывая проезжающий мимо пейзаж. Я шел по улице, читал Кирюше наизусть «Доктора Айболита» и думал: как жаль,

что не курю. Как просто тем, кто курит! Затянулся – и сразу легче стало! Я никогда не курил, но Джон Леннон пел об этом достаточно убедительно в «I am so tired»¹⁰, правда, начинать курить, только чтобы успокаиваться после Аниных криков, не казалось рациональным решением. «А ты удивлена, почему

я не курю, милая, может быть, я идиот, но я не дебил!» – вспомнились строки из песни БГ. А может, я все же дебил, хоть и не курю?

Вернувшись домой часа через два, я обнаружил пустую квартиру. Я с облегчением выдохнул – разговор с Аней отсрочился. Надеяться на его окончание было бы слишком наивно. В разделе анекдотов одной бесплатной газеты я как-то прочел, что женщины прощают, но помнят, а мужчины не прощают, но не помнят. Аня вела себя иначе: она не прощала, и не забывала...

И это было совсем не смешно. Вернувшись домой к вечеру (я даже не стал спрашивать, где она пропадала), Аня потеряла весь боевой запал, но теперь при любом удобном случае и в самых разнообразных контекстах напоминала мне, как я заявился домой в полшестого утра.

Слава богу, в жизни есть немного справедливости – соотношение головняков в моей жизни, оставшись прежним, просто сменило полярность. Теперь местом, где я мог немного расслабиться стал офис.

¹⁰ (англ.) Я так устал

Только я никак не мог понять, что же случилось с Аней, или, может,

что-то случилось со мной?

И поразмыслить над этой дилеммой я мог в офисе – рабочие задачи были настолько разбросаны во времени и пространстве, что на первых порах вхождения в курс дел, я с ужасом понимал – закончив это самое вхождение, большую часть рабочего дня занять мне будет попросту нечем. Порой мелькали предательские мысли, зачем я вообще сменил работу. Может зря? Во всяком случае, не появляясь так часто дома, я, вероятно, и не заметил бы всего этого кошмара.

Парадокс острослова Бернарда Шоу: «Я счастлив, потому что мне некогда думать о том, как я несчастлив» парадоксом мне уже не казался. А дискомфорт по поводу пустоты в рабочем процессе существовал исключительно в моем сознании. Все остальные обитатели офиса чувствовали себя в этой ненапряжной атмосфере вполне непринужденно, с удовольствием заполняя эти пустоты развлечениями, о которых я раньше и не подозревал.

Самые интересные события местной жизни разворачивались на кухне за чашкой кофе и за обедами. На основе болтовни и сплетен на этих площадках можно было в режиме онлайн писать сразу несколько сценариев телесериалов, и еще осталось бы достаточно материала для женского романа с офисной спецификой. Меня почему-то сразу приняли за своего, и я моментально стал активным участником офис-

но-социальной

активности. Может, потому что я забавлял коллег рассказами о своей прошлой жизни? Особым успехом пользовались истории о круглосуточном графике работе, стервах-начальницах и бухгалтере, подсевшем на кокаин для постоянного поддержания тонуса, столь важного для его ответственной работы – в этом состоянии он получал невероятный, ни с чем несравнимый кайф от работы с документами строгой финансовой отчетности.

На обеды из офиса обычно отправлялись компаниями человек по пять-шесть, но иногда случались и парные выступления – как-то раз, выйдя на обед, я оказался вдвоем с Сашей, которая у нас отвечала вроде как за маркетинг, хотя в моем понимании занималась всем, кроме своей работы, что меня, однако, совершенно не беспокоило. Саша являла собой чрезвычайно жизнерадостное существо, и даже простую прогулку до ближайшего кафе превращала в праздник. Пока мы шли на обед, она внезапно заскочила в магазин игрушек, откуда выпорхнула, держа в руках машинку для мыльных пузырей.

«Наверное, для племянника», – решил я, его фотка красовалась на ее столе на самом видном месте. Но пока мы шли, Саша строчила пузырями во все стороны.

– Сейчас все пузыри расстреляешь, племяннику не хватит, – заметил я.

– А я себе купила!

– Для чего? – до невозможности удивился я.

– Для хорошего настроения! А ты что, никогда себе не покупаешь? Попробуй! – сунула она мне устройство в руки.

Я нажал на курок и выпустил в небо целую очередь разнокалиберных пузырей. Они весело летели ввысь, поблескивая на солнце радужными боками, и лопались, тукаясь друг об друга.

– Ну? – спросила Саша. – Как настроение?

Я, улыбаясь, кивнул и снова стрельнул. Настроение и правда поднялось. Но пузырями Саша не ограничилась. Может, я внушал ей доверие, а может, она привыкла обращаться за советом к любому, кто попадался под руку.

– Представляешь, тут одна моя подруга приглашает поучаствовать с ней в групповухе, а я вот мучаюсь, не знаю что делать! – Саша произнесла это настолько непринужденно, как будто речь шла о ее новых туфлях или просмотренном вчера фильме.

Я не слишком привык обсуждать подобные темы и впал в легкий ступор. Саша, сделав вид, а может, и правда не заметив моего легкого замешательства, спокойно продолжала:

– У нее любовник очередной, какой-то нереально богатый – не знаю, где она их берет, правда, она сама такая вся из себя! Ну, почти как из журнала. Так он ее уже месяц достает, говорит, пригласи какую-нибудь подругу, ну, для секса втроем. Она мне звонит, а я ей что, главная озабоченная? По большому счету Машке, ну, подруге моей, надо, чтобы

богатея этот шубу ей купил, он обещал...

Пока Саша самозабвенно исполняла этот драматичный монолог, в памяти возникла сцена, увиденная по кабельному каналу гостиницы в Самаре и с тех пор выступающая у меня ролевой моделью идеального секса. Там две девушки – блондинка и брюнетка, с внешними данными, значительно превышающими все мои бенчмарки, с вполне правдоподобным упоением исполняли минет парню довольно невзрачного вида. Тогда, концовку я досматривать я не стал, не хотел расстраиваться несбыточностью подобного эпизода в сценарии моей жизни. Неужели, чтобы стать участником такой сцены, надо обязательно быть или порноактером, или иметь денег, как у дурака махорки? Обидно! В ближайшем будущем перспективы как на одно, так и на другое были крайне туманные.

Тем временем Саша все еще ждала, пока я выскажу свое мнение на счет мучавшей ее дилеммы.

– Не знаю, а ты-то что сама думаешь? – не смог придумать я ничего лучше встречного вопроса.

– Наверное, схожу, – задумчиво произнесла Саша, – на богатея этого интересно посмотреть! Без обязательств, так, просто познакомиться. Да и Машку подводить неохота. Ей же шуба нужна.

Я подумал, что теперь мечта каждого мужчины находится от Машкиного богатея на расстоянии всего одного ужина, ну и, конечно же, шубы. Хотелось бы мне оказаться на

его месте.

Когда мы вернулись с обеда, Вика нас встретила анонсом празднования своего ДР, объявив, что не собирается ограничиваться дежурной бутылкой шампанского на офисной кухне, а устроит по этому поводу вечеринку в модном баре неподалеку, куда приглашает весь офис.

– Вечер завтрашний чтобы все освободили! Будет супер, весело!

Ане я, конечно, наврал про ужин с партнерами, и по этой причине, не пошел, как все, домой, а просидел до девяти в офисе, подготовив огромную презентацию. Только потом я понял, что переделал всю работу на ближайшую неделю, и стало совершенно непонятно, чем же мне придется заниматься все рабочее время. Но все ненужные вопросы отпали, когда я оказался в баре, где сразу же почувствовал себя невероятно расслабленно и свободно.

Когда гости более или менее напились и дежурные темы для болтовни подошли к концу, Саша неожиданно предложила:

– Чего все скуксились? Давайте сыграем в «Я никогда»!

Смысл игры оказался донельзя прост: каждый участник по очереди произносит фразу, вполне ожидаемо начинающуюся со слов «я никогда». Например, «я никогда не ездил зайцем в электричке». Те из собравшихся, кто хоть раз в жизни ездил зайцем, обязаны были немедленно выпить. Я, по моему, видел нечто подобное в старой американской коме-

дии, но в нашей компании почему-то никто не хотел выяснить, ездил ли кто-нибудь на родину Деда Мороза, прыгал ли с тарзанки в пропасть или читал ли Шопенгауэра в подлиннике. Все вопросы крутились исключительно вокруг секса. Кто, сколько, с кем и где. Я внезапно обнаружил себя в совершенно неудобной ситуации – не было ни единого вопроса, после которого я мог бы выпить. Про тройки, про анальный секс, про секс подряд с двумя и больше партнерами – и если бы на первом курсе я не

трахался в парадной со своей первой любовью и не соврал на вопросе про секс на пляже, за всю игру я не сделал бы и глотка.

По пути домой я с грустью размышлял: вероятно, за все время, пока я учился, работал, снова учился и опять работал, что-то прошло мимо. И может, это что-то было гораздо важнее всей учебы с работой вместе взятых. За этими вопросами я даже забыл о своих домашних проблемах, видимо, у меня начинал вырабатываться иммунитет на Аню.

На следующий день, задержавшись на конференц-звонке с Женевой, на обеде я оказался один на один со Славобом, моим товарищем по сегодняшнему молчанию «на проводе», как он сам образно называл такие мероприятия. Наша миссия состояла в том, чтобы поздороваться со всеми по-английски, пару раз вставить «*yes, indeed*»¹¹, а затем в конце пожелать коллегам на других концах линий хорошего дня.

¹¹ (англ.) да, именно

Еду долго не несли, и для заполнения паузы, я решил завести ничего не значащий *small talk*¹².

– Чего к Вике не пришел? – спросил я первое, что пришло в голову. – Было весело!

– Я на такие мероприятия не хожу, – скривился он.

– А что так?

– Чего я там не видел? – пожал он плечами. – Да и с женой ругаться неохота...

«Видно, не у одного меня с этим проблемы», – мысленно улыбнулся я. Это немного успокоило.

– Зачем ругаться? – вальяжно, почти как Денис, ответил я. – Что такого, если ты сходишь с коллегами отдохнуть?

– Ничего! – улыбнулся Славолюб. – Только моя Нина от этого расстраивается, а когда она расстраивается, то злится, а зачем делать так, чтобы она злилась? – А если она так от всего будет злиться, чего тебе нравится?

– А мне ничего и не нравится, от чего она злится!

– А если понравится? – решил я выяснить вопрос до конца.

– Не понравится, – улыбнулся Славолюб. – Знаешь, я подкаблучник!

Если бы Слава заявил, что планирует операцию по смене пола, я, наверное, удивился бы куда меньше. Скорее всего он заметил какое неизгладимое впечатление произвел, и решил внести ясность:

¹² (англ.) непринужденная беседа

– Я до тридцати лет со всеми своими девушками воевал, отношения выяснял – кто главный, кто в доме хозяин, – и так, знаешь, это достало! Постоянная ругань, разборки и прочая гадость! Два раза разводился, а потом Нину свою встретил, влюбился, мне все нравится, она просто душка, если ей ничего против не говорить! И тут я понял: а не надо ей ничего против говорить! Надо просто делать, что женщина хочет, и она тебя будет любить! Дома будет тишина и покой и прекрасные отношения!

Я покачал головой. Выходит, опять прав Денис: у Славолюба выработался условный рефлекс! Как же он наверное устал, чтобы вот так сдаться! Наверное, до недавнего времени я вел себя точно так же, только неосознанно – по-другому себя вести не было то ли времени, то ли желания...

Сперва за Славу мне стало невыносимо обидно. Как же так? Он ведь мужик! И вдруг так спокойно сдался! А потом даже стало слегка завидно: он ведь совершенно осознанно сделал выбор – так, наверное, крепостные крестьяне после 1861 года оставались у своих господ, просто они не мыслили другой жизни. А может, и правда, так будет проще – ничего поперек не говорить, ни тебе ссор, ни ругани? За этими мыслями я даже не заметил, как поглотил обед и на автопилоте дошел до офиса, обмениваясь со Славой ничего не значащими репликами.

В пятницу я обедал вдвоем с Геннадием. За несколько предыдущих обедов, несмотря на то, что на брудершафт мы

выпить не успели, я перешел с ним на фамильярное «Гена».

– Ух, слава богу, эти курицы сегодня с нами не пошли, хоть можно пообедать спокойно, – сказал Гена, как только мы уселись.

– Они, наверное, то же самое про нас говорят, – усмехнулся я. – Будут свои девчачьи дела обсуждать: сумочки, платица, косметика и так далее.

– Конечно, – скептически протянул Гена. – Этим они и нам уже все уши прожужжали! Наверняка говорят щас, кто с кем трахался, кто с кем собирается и кто кого хочет!

– Ну и пускай говорят, – пожал я плечами. Хотя узнать, кто из девушек кого хочет, было бы любопытно. А может, меня?

– У мальчиков тоже есть о чем поговорить, – перешел Гена на доверительный тон.

Я рассмеялся:

– Неужели кто кого хочет?

– Не люблю говорить о том, чего хочу, предпочитаю это делать, – без тени иронии заявил Гена.

– Прямо здесь не получится! – язвительно хмыкнул я. – Некого. Если только официанток.

– Официанток слишком долго уговаривать надо, – скривился Гена, – но тут за углом есть замечательное заведение!

– Какое же? – состроил я вопросительно-недоуменное выражение.

– То самое! *Massage parlor*¹³, образно выражаясь, – заговорщицки улыбнулся он.

Я недоуменно на него покосился.

– Мягко выражаясь, бордель! – чуть снизив тон сказал он. – Можно в продолжение обеда туда заглянуть, как-никак, пятница сегодня.

Моя операционная система зависла. Вот так ни с того ни с сего, среди белого дня идти в бордель? Это казалось, как минимум, странно, ни к месту, как запивать виски простоквашей.

Тут, на мое спасение, принесли еду, и напрямую отказываться от неожиданного предложения Гены мне не пришлось. Однако избегание необходимости четко проговаривать свои решения, как предупреждал один псевдо-психологический журнал, сыграло со мной злую шутку. Пока я расплачивался и отвечал на очередной Анин звонок, Гена тоже куда-то звонил, а когда мы вышли на улицу и я повернул в сторону офиса, то Гена отрицательно покачал головой:

– Ты что, забыл? Мы же к девчонкам! Я уже договорился, нас ждут.

Только я собрался придумать железобетонный аргумент, который избавит меня от участия в этой сомнительной истории, как у меня зазвонил телефон. Снова звонила Аня, на этот раз с просьбой забрать Кирюшу из садика – сегодня, как выяснилось, она внезапно собралась с мамой в театр.

¹³ (англ.) массажный салон

– Подожди, я с работы не успею!

– Ну, уйди пораньше, все равно тебе там делать нечего!

– Как это нечего? – возмутился я.

– Что я, не знаю, чем ты там занимаешься? – раздраженно бросила Аня. – Давай, короче, у меня другая линия, – и отключилась.

Я повернулся к Гене:

– А где этот бордель, ты говоришь? – решил я ассиметрично ответить на Анин ультиматум.

– Уже пришли, – повернул он в ближайшую парадную, – тут всё под боком!

«Во всяком случае, в следующий раз, когда буду играть в «Я никогда», за проституток точно выпью!» – решил я и пошел вслед за Геной.

Оказавшись за неприметной дверью, я сначала подумал, что оказался в интерьерном салоне из модного журнала. Гену поприветствовали, как обычно встречают в баре уважаемого, пока еще не спившегося завсегдатая, нас проводили в огромную комнату, оборудованную баркой стойкой, подиумом, шестом – именно так в моем воображении выглядела кухня моей мечты. Нас усадили на кожаный диван дизайнерского вида, и через мгновение в комнату, как на показе купальников *Fashion TV*, стали заходить девушки. Стоящая чуть в стороне менеджер заведения больше похожая на хостесс стильного ресторана объявляла имена, как будто названия моделей надетого на девушках белья. Во всяком случае,

именно так они и звучали – Марианна, Каролина, Амалия, Зарина. Интересно, кто у них отвечает за креатив?

– Ну, выбирай, – небрежно сказал Гена, когда дефиле закончилось.

– А ты? – совершенно растерялся я, вдруг поняв, что выбор предусматривал определенные последующие действия, при этом совсем не игру в домино или шашки. Я почувствовал, как у меня внутри все похолодело, отчего возникло непреодолимое желание немедленно встать и уйти.

– Это шоу для тебя показывали, я тут к старой знакомой, можно сказать на абонементном обслуживании...

Я еще больше растерялся, поскольку понял – улизнуть просто так вряд ли удастся, терять лицо перед Геней совершенно не хотелось. А растерянность усиливалась еще и потому, что я совершенно не запомнил кто и как выглядел, в итоге, мысленно махнув рукой «ай, была не была!», я наугад буркнул: «Каролина»

Я ориентировался скорее на интересное имя, ведь, как мне показалось, внешность всех девушек соответствовала уровню моих бенчмарков. Менеджер вежливо попросила оставить на столике сумму, соответствующую при мерно двухнедельному среднероссийскому прожиточному минимуму, и тихо удалилась. Через секунду в дверях возникла Каролина. Как сказал бы Денис, она по своим ТТХ соответствовала всем имеющимся у меня требованиям. Однако, что делать дальше я совершенно не представлял.

«Вот уж вписал меня Гена в блудняк!», – крутилась в голове назойливая мысль.

Снова нестерпимо захотелось отсюда сбежать. Каролина скорее всего почувствовала с кем имеет дело, а на этот случай у нее, видимо, имелась программа для новичков и она немедленно взяла инициативу в свои руки. Взяла, надо признаться, вполне профессионально.

Чуть прищурив глаза, Каролина томно вздохнула и спустила бретельку полупрозрачной кружевной рубашечки.

– А ты в одежде любишь или разденешься? – усмехнулась она.

Поняв, что деваться некуда, я, немного путаясь, принялся расстегивать пуговицы на рубашке. Ощущение было более чем странное – раньше я никогда не раздевался перед совсем незнакомой мне девушкой, не считая, медсестры в военкомате. К счастью, самому мне пришлось только раздеться. Остальное Каролина проделала самостоятельно. Этим она крайне облегчила мне задачу, потому как с презервативом в одиночку я вряд ли бы справился. Да и в общем, чтобы мой организм понял, чего же от него хотят, надо было приложить некоторые усилия, и в этом Каролина проявила себя настоящим мастером своего дела. Процесс прошел гладко, «без сучка и задоринки», как сказал бы мой школьный учитель труда. Но когда все закончилось, я ощутил, как бы помягче сказать, разочарование. Нет, грудь у нее была настоящая и исполнительское мастерство на уровне, но, как воскликнул

бы старик Станиславский: я не поверил. Тем более в памяти еще не совсем стерлись воспоминания о Веронике, ласково воркующей мне что-то на ухо. Больше всего меня потрясла стремительность, с которой отстранилась Каролина, после того как я кончил, и немедленно принялась стягивать с меня презерватив, затем улеглась на край кровати и начала без умолку нести какую-то ахинею. Сначала, из вежливости, я немного покивал, но минуты через три не выдержал и сказал, что мне, пожалуй, пора. Каролина держать меня не стала. Гену я дожидался на улице еще почти минут двадцать.

– Ну, как твоя кукла отработала? – поинтересовался он.

Я в двух словах поделился с ним своими неоднозначными впечатлениями.

– Понятно, тебе «цифра» попалась! – с видом знатока сообщил мне Гена.

– В каком смысле «цифра»? – не понял я.

– Как в аудиотехнике – есть холодная «цифра», а есть настоящий живой «аналог», понимаешь? Только «аналоги» в этом контингенте крайне редко встречаются, искать таких надо, а еще бывает – приходит в этот бизнес девушка «аналогом», поработает полгодика, а потом ее затрахируют вконец и она в «цифру» превращается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.